

ЧАСТЬ III. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

§ 188. Любой носитель языка, как правило, владеет двумя типами произнесения:

- тем, который называют «полным» или **кодифицированным** — он соответствует произносительным нормам, описанным Р. И. Аванесовым и отраженным в данных им образцах транскрипции²⁰⁸; и
- **разговорным**, который называют неполным или аллегровым.

Первый тип произнесения используется в редких ситуациях: в разговоре с иностранцем или лицом, занимающим высокое положение в обществе, при чтении вслух документа, в котором важно точное прочтение каждого слова; второй тип используется в повседневной речевой практике и безусловно является основным, базовым.

Первый тип отличается от второго наличием сознательного контроля говорящего над своей речью, употреблением преимущественно полных, эталонных звуковых форм слов (т. е. форм, в которых отсутствует звуковая эллипсис — выпадение сегментов). Так, если при втором типе говорения не только допустимыми, но и вполне нормальными являются формы типа [здрáс'т'ь], [бúьт], [хóьт], [тр'иц] *семь*, [тýш'ь] *двести сорок*, *Иван* [Ивáныч'], [нрáиць], то при первом уместны только формы [зрáстуйт'ь], [бúд'ьт], [хóд'ьт], [тр'иц:ьт'] *семь*, [тýс'ьч'ь] *двести сорок*, *Иван* [Ивáн'ьч'ь], [нрáв'ьц:ь] и т. п.

Следует, однако, отметить, что не все носители русского языка владеют двумя типами говорения в равной степени; некоторые используют во всех ситуациях только один тип — разговорный. Из этого следует, в частности, что именно он является основным, базовым (так как им владеют все носители языка), а вовсе не кодифицированный, который, тем не менее, остается главным объектом описания в лингвистике.

При этом наблюдатели отмечают, что в настоящее время происходит активная «демократизация» устной речи: элементы разговорного произношения все больше проникают в те сферы, где раньше господствовал полный тип говорения, который называли «высоким» произносительным стилем. То же самое происходит и в области лексики, синтаксиса, морфологии и словообразования.

§ 189. Разговорный язык (или разговорная речь, далее — РР) стал специальным объектом исследования фонетистов сравнительно недавно: в 1973 году появилось первое достаточно полное и обстоятель-

²⁰⁸ Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1972. С. 355–394.

ное описание сегментных особенностей РР²⁰⁹, несколько позже — особенностей ее просодической организации²¹⁰. Они показали, что характер реализации фонем в РР далеко не всегда определяется теми фонетическими правилами, которые сформулированы для кодифицированного литературного языка (далее — КЛЯ) и нарушают главный тезис фонетической науки о безысключительности фонетических чередований.

КЛЯ и РР представляют собой разные объекты исследования.

Объект описания фонетистов, занимавшихся КЛЯ, может быть определен как нейтральное озвучивание написанного текста, при котором каждое фонетическое слово имеет ударение и стандартную схему редуции. Объектом описания фонетики РР является текст в целом, спонтанная речь в процессе коммуникации, условиями функционирования которой считаются следующие внелингвистические обстоятельства:

- неподготовленность акта коммуникации (текст не должен быть заранее подготовлен, тем более — предварительно написан);
- непринужденность акта коммуникации (подразумевается, что это должен быть разговор неофициальный, «на равных»);
- непосредственное участие говорящих в акте коммуникации (разговор по телефону может быть таковым, если соблюдены первые два условия, но некоторое ухудшение слышимости может повлечь за собой более тщательное проговаривание текста, а отсутствие видимого собеседника — повлиять на его содержание).

РР может быть монологом, диалогом, полилогом (если в акте коммуникации участвует более двух человек) либо репликой. В диалоге (полилоге) и реплике более ярко воплощаются особенности РР, отличающие ее от КЛЯ.

§ 190. РР характеризуется прежде всего широкой вариативностью, множественностью реализаций одной и той же фонемы в позициях, которые применительно к КЛЯ считаются идентичными. Попытка установления фонетических закономерностей РР сводится либо к установлению границ этого варьирования и нахождению закономерностей статистического характера, описывающих то, какие реализации встречаются чаще, а какие — реже в рамках тех позиционных условий, которые определены для КЛЯ, либо к поискам иных позиционных условий, специфичных для РР.

В связи с этим можно говорить о двух типах звуковых закономерностей в русском литературном языке — фонетических и орфоэпических: «При фонетической обусловленности фонетическая позиция однозначно предсказывает появление того или иного звука — действует фонетический закон. При орфоэпической прикрепленности та или иная орфоэпи-

²⁰⁹ Русская разговорная речь. М., 1973.

²¹⁰ Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.

ческая позиция может «притягивать» определенную реализацию фонемы, но возможность появления конкретного орфоэпического варианта предсказывается орфоэпической позицией только статистически, вероятностно — действует орфоэпический закон»²¹¹. Та же самая идея может быть сформулирована и иначе: «Если признавать, что фонетическая позиция — это условия, определяющие функционирование фонем, то в формулировку позиции надо включать любые языковые факторы, способные предопределять реализацию фонемы тем или иным звуком — фонетические, лексические, грамматические, словообразовательные, графические»²¹².

Характерная для РР вариативность реализации звукового состава слов отнюдь не означает хаоса и «беззакония»: попытки найти определенный порядок в этом многообразии выявили, что при описании системы РР необходимо учитывать не только все те позиции, которые учитываются при описании КЛЯ, но и ряд других. Обнаруживаются дополнительные контекстные условия, способствующие особым реализациям гласных и согласных фонем в РР, в том числе, и тем «нулевым» реализациям, которые не свойственны фонетике КЛЯ.

Описания фонетической системы (функционирования фонем) в КЛЯ, во-первых, основываются на поведении фонем только в сильной фразовой позиции; во-вторых, в них рассматриваются слова с обязательным ударением; в-третьих, предполагается определенный уровень сознательного контроля над произношением. В спонтанном же продуцировании речевого текста сознательный контроль ослаблен; при изучении такого текста учитывается реализация фонем не только в пределах фонетического слова с обязательным ударением и стандартной схемой редукции, но и особенности реализации фонем в слове, находящемся в слабой фразовой позиции, и в словах, лишенных ударения.

Суперсегментные особенности разговорной речи

§ 191. Специфика просодических особенностей РР до сих пор еще мало изучена, хотя им приписывается большое значение и даже считается, что роль сегментных средств в РР снижена за счет суперсегментных и внеязыковых.

Суперсегментные (просодические) особенности РР наиболее ярко проявляются в тех речевых жанрах, которые характеризуются значительной эмоциональной насыщенностью и влиянием внеязыкового контекста (жеста, мимики).

В любом типе или жанре устной речи используются одни и те же просодические средства (динамика тона и интенсивности, темп, па-

²¹¹ *Каленчук М. Л.* О фонетической обусловленности и орфоэпической прикреплённости // Проблемы фонетики I. М., 1993. С. 68.

²¹² *Каленчук М. Л.* О расширении понятия позиции // Фортунатовский сборник. М., 2000. С. 31.

уза, регистр) и в одних и тех же функциях. Но в диалогической разговорной речи, в отличие от чтения и монолога, проявляется бóльшая контрастность и более быстрая смена используемых средств, а также иное членение текста на составляющие его суперсегментные единицы.

§ 192. Понятие **речевого такта** как единицы членения речевого потока применительно к тексту КЛЯ равнозначно понятию фонетического слова: это отрезок речевой цепочки, объединенный одним словесным ударением и состоящий из одного полнозначного слова и факультативных безударных — предлогов или частиц, называемых клитиками, которые редуцируются «по формуле Потебни».

В тексте РР к самостоятельному полноударному слову могут примыкать не только служебные слова и частицы, но и самостоятельные полнозначные слова, утрачивающие словесное ударение в слабых фразовых позициях. Это явление называется **динамической неустойчивостью**; динамически неустойчивыми могут быть глаголы, существительные, прилагательные, наречия. Ритмическая структура, состоящая из одного полноударного слова и нескольких динамически неустойчивых, тоже может быть названа речевым тактом, но такой речевой такт не равнозначен фонетическому слову. Он отличается тем, что

- в его состав может входить более, чем одно полнозначное слово;
- утратившие ударение слова могут сохранять некоторые признаки своей фонетической самостоятельности (в отличие от клитик, которые входят в состав фонетического слова): например, тембр [o] или [e], не свойственный безударным гласным — [п'от п'алыч'], [ч'ек п'ят'] (*Пётр Павлович, человек пять*).

Такой речевой такт может рассматриваться как особая суперсегментная единица, характерная именно для РР.

Полнозначное слово может оказаться безударным, если оно попадает в «семантически слабую» позицию — например, в ответной реплике, если в ней повторяется слово, произнесенное в вопросе: (*Сколько там было человек?*) — [д'ь ч'ек п'ят'].

В то же время, в РР могут оказаться ударными те слова, которые в КЛЯ являются устойчивыми клитиками: *ни тот, ни другой; я лучше óколо подожду; ни до, ни после этого*.

Исследования показали, что в речи одного и того же человека разговорный текст (непринужденная беседа с близкими) содержит от 32 до 43% многословных речевых тактов (т. е. таких, которые содержат более чем одно полнозначное слово), тогда как текст, произнесенный по нормам КЛЯ (доклады на конференциях, лекции), — от 6 до 18%²¹³.

Анализ реализации фонем в слабых фразовых позициях, а также в динамически неустойчивых словах, оказавшихся на периферии много-

²¹³ Русская разговорная речь. 1984. С. 47–49.

словного речевого такта, показывает, что в РР имеется больше слабых позиций для фонем, чем в КЛЯ.

§ 193. Исследование РР показало, что априорное представление о более быстром ее темпе преувеличено: темп речи является весьма стабильной индивидуальной характеристикой говорящего, но в речи каждого существуют замедления и ускорения в пределах свойственного ему среднего темпа, и в разговоре (диалоге) эти замедления и ускорения имеют более контрастный характер. Фрагменты текста, несущие важную для говорящего информацию, замедляются больше, а фрагменты менее важные, а также вставные и вводные конструкции, повторы, произносятся еще быстрее, чем в нейтральной монологической речи. Быстрое произнесение является одной из причин деформации звукового и слогового состава слова в РР.

Паузы встречаются в РР не только в связи с ее синтагматическим членением, но и в связи с особенностями спонтанного продуцирования текста: обдумыванием его содержания, реакцией на неожиданное сообщение, подбором нужных слов.

Таким образом, кроме смысловых или синтаксических пауз, которые в письменной речи обычно маркируются знаками препинания, РР бывает насыщена так называемыми «паузами хезитации» (колебания), которые способны даже нарушать смысловое единство синтагмы, отделяя подлежащее от сказуемого, глагол от управляемого слова, определение от определяемого. Эти паузы иногда бывают «звучащими» — человек заполняет их гласным неопределенного тембра; в быту это называют «мычанием».

§ 194. В РР используются некоторые средства, которые не используются или мало используются в КЛЯ; например, **растяжки гласных**. Растягиваться, или удлиняться, могут как ударные, так и безударные гласные; но удлинение безударных обычно происходит при остановках, самоперебивах, подыскивании нужных слов и обдумывании последующего текста — т. е. лингвистически оно не функционально. Растяжки же ударных гласных, в особенности, гласных центра ИК, сопряженные с движением тона и способствующие его более яркому выражению, могут быть функциональными: движение тона на растянутом гласном способно не только акцентировать, но и формировать значение; тем самым, растяжка гласных является вспомогательным средством передачи значений. Так, например, ответная реплика *Не знаю*, произнесенная резко и скандированно, может означать не только отсутствие информации, но и нежелание ее иметь; произнесенная с растяжкой ударного гласного и соответствующим движением тона, она может выражать прямо противоположное отношение к отсутствию информации — сожаление; некоторые модуляции тона на растянутом гласном могут выражать даже наличие информации, но скептическое к ней отношение, неверие в ее истинность.

Сегментные особенности разговорной речи

§ 195. Сегментные особенности РР, как уже говорилось, проявляются, во-первых, в особенностях звуковой реализации фонем в некоторых позициях, а во-вторых, в явлениях, называемых эллипсисом, суть которого состоит в сокращении звуковой цепочки. Причиной того и другого является стремление к упрощению речевых артикуляторных программ, «принцип экономии усилий», особенно действенный в ситуации ускоренного произнесения каких-то фрагментов текста.

ГЛАСНЫЕ

§ 196. «Ударные» гласные слова, утратившего ударение в составе ритмической группы (речевого такта), редуцируются до ступени [ъ], [ь]: [н'ьч'тáк] ([знáч'ьт тáк]), [ну т'ьр' ть] ([ну т'ип'эр' ть]).

Гласные 1-го предударного слога, «следующие» после ударного относительно устойчивости к редукции, в условиях безударности слова могут реализоваться гласными 2-й ступени редукции [ъ] и [ь].

Редукция [у], связанная с утратой им лабиализации, может происходить в 1-м предударном слоге, если слово включено в контекст, а гласный находится в соседстве с мягким согласным: *купила* [т'ь]льпанчики красивые; *это* [ч'ь]довище себя покажет; *возьми* [р'ь]кзак покрепче. В других безударных слогах делабиализация [у] происходит достаточно регулярно; в особенности, в заударном слоге, неконечном либо конечном закрытом: *с[ъ]ндучок*, *с[ъ]масшедший*, [б'ь]рократ, [б'ь]ллетень (обычно — [б'ьл'ут'эн']), *кори[ъ]с*, *проп[ъ]ск*, *выс[ъ]шил*, *нов[ъ]ю* и т. п. С фонологической точки зрения это означает возможность нейтрализации всех гласных фонем в одном варианте или полную утрату ими смысловразличительной функции.

§ 197. Эллипсис гласных чаще наблюдается в высокочастотных словах; второе определяющее его обстоятельство — это качество окружающих согласных.

Консонантный контекст для гласных, который в КЛЯ определяет качество их позиции только в связи с твердостью или мягкостью (либо непарностью по этому признаку) предшествующего им согласного, в РР может быть значимым еще и в связи с другими артикуляторными признаками согласных, способствующими эллипсису соседних гласных.

Гоморганность согласных является наиболее сильным фактором выпадения находящегося между ними гласного; в особенности, если это согласные, одинаковые по всем артикуляторным признакам. В ситуации с сонорными и фрикативными и, в частности, с [в], некоторые случаи такого рода Р. И. Аванесов считал допустимыми даже в нормативном литературном произношении; например: *фи[лл]огический*, *за[хх]отал*, *вы[сс]ал* (*высосал*), *сли[вв]ый*, *засо[вв]ать*, *но[вв]о* (*нового*) и др.²¹⁴

²¹⁴ Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1984. С. 104–106.

В РР эллипсис может происходить и в окружении смычных согласных: *тра*[т'т'], *то*[ч'ч']*ный* (*точечный*), *бла*[гг]*ответь*, *вы*[дд]*ут* (*выдадут*).

Гласные выпадают также в окружении близких по месту образования согласных, различающихся некоторыми признаками: способом образования (*ни*[ч'ч']*ка* — *ниточка*, *де*[с'т']*и*, *вы*[н'с']*и*, *та*[н'ч']*ка*, *произно*[с'ць], *ка*[ч'с']*тво*, *пече*[н'ц]*е*, [нд]*оёл*, *хо*[лд]*но*, *пожэ*[лс]*та*); твердостью / мягкостью (*но*[дд']*еяльник*, *хва*[т'т]); глухостью / звонкостью (*ска*[жш], *отку*[дт]*о*).

«Нулевая редукция» гласных 2-го предударного и заударного неоконечного слога достаточно часто происходит и в контексте негомооганных согласных, например: *всё*[тк]*и*, *сти*[хт]*ворение*, *ме*[с'ч']*ный*, [пт]*ому что*, *бла*[гд]*аря*, и в особенности, если один из согласных — сонорный или [в]: [см]*олет*, [гв]*орит*, *ко*[мн]*та*, *пу*[гв]*ица*, *пе*[р'в]*озить*, [кр]*андаш*.

Эллиптируются, как правило, гласные «второй ступени редукции» [ъ] и [ь] — т. е. гласные не первого предударного слога, находящиеся не в соседстве с паузой справа либо слева — это демонстрирует большинство приведенных выше примеров. Однако возможно выпадение гласного и в 1-м предударном слоге; например, *универ*[с'т'эт], [заш'ш'ал]*защитал*, *о*[б'зá]*тельно*.

Сочетания гласных, которые в исконно русских словах возникают на стыке приставки и корня и в сложных словах, а также встречаются в корнях иноязычных заимствованных слов, подвергаются стяжению: [т'а]*тр*, *и*[н'ца]*тива*, *спе*[ца]*льность*, [ва]*бще*, [нъ]*барот*, *со*[ць]*листический*.

§ 198. Результатом эллипсиса гласных являются следующие преобразования звуковой структуры слова:

- потеря слога, а иногда и двух (уменьшение количества слогов в слове);
- появление слоговых согласных; притом, не только сонорных, но и шумных: [зблтъ] (*золото*), [д'эдлль] (*делала*) [лбг'къ] (*логика*);
- увеличение количества долгих (или двойных) согласных, которые, вопреки фонетическим правилам русского языка, могут появляться в конце слова (синтагмы): *сде*[лл];
- появление сочетаний, как будто бы нарушающих закономерности ассимиляции по глухости / звонкости и твердости / мягкости, которые действуют в КЛЯ, например: *мо*[жт']*е* (*можете*), *ре*[жт']*е* (*режете*), *бу*[д'т']*е* (*будете*), *хва*[т'т], [с'с]*тра*, *оста*[в'ф]*иший*, *ло*[г'к]*а*, *те*[з'с]*ы*, [зш']*итить*, *вы*[сш]*ить* (*высушить*), *о*[б'з]*ательно*. Однако в этих случаях происходит изменение артикуляционно-акустических характеристик первого шумного согласного, который приобретает особые свойства: повышенную интенсивность и формантную структуру шума, а вследствие этого — слогаобразующую функцию, что и является «знаком» имевшего место эллипсиса — сравни *ре*[шт'']*е* (*режьте*), *бу*[т'т']*е* (*будьте*).

СОГЛАСНЫЕ

§ 199. Изменения сегментных характеристик в области консонантизма состоят в упрощении артикуляций и ослаблении консонантных свойств звуков. Это проявляется, в частности, в выпадении согласного в интервокальном положении и в консонантных сочетаниях.

1. Ослабление смычки и превращение ее в фрикацию (фрикатизация смычных согласных). Этому в собенности подвержена мягкая аффриката <ч>, имеющая сравнительно короткую смычную фазу. В слабой фразовой позиции, в словах, утрачивающих ударение в речевом такте или синтагме, она замещается мягким фрикативным шипящим, который в КЛЯ встречается только в конце слова и в сочетании с согласным на месте фонемы <ш'>: [бш'ьн' плбхь], [ш'эс слбвь], [паш'т'и фс'б], [аш'ив'йднь] (*очень плохо, честное слово, почти всё, очевидно*);

2. Выпадение интервокальных согласных. Наблюдения показывают, что чаще выпадают зонкие, мягкие, фрикативные согласные; реже — глухие, твердые, смычные. При этом могут возникать последовательности из двух гласных.

2.1. Легче всего утрачивается <j>: [знáьш], [знáä], [другúу], [тбьс'], *след[у]щий*.

2.2. Частым случаям выпадения <в> способствует соседство с лабиализованными гласными: [д'эушка], *в сорок[аб]м году, в н[бь]м пла-тье*; а также *пр[áь]льно*, где согласный мягкий.

2.3. Достаточно регулярно утрачивается <д'> в глагольных формах [бúьт], [хбьш], [в'йьш] (с последующим стяжением в [в'иш]), и в результате оказывается возможной нейтрализация <д'> и <j> в эллиптированном слове [вбьш] как <вбд'и^{III}> и <вбjo^{III}>.

3. Выпадение согласных в консонантных группах. Упрощение некоторых трехкомпонентных (и более) сочетаний согласных регламентировано орфоэпической нормой: *стн, здн, стл, стк, здк, стск, стц, здц, ндц, нтц, ндск, нтск, ндк, нтк, рдц, рдч, лнц*²¹⁵. Упрощение происходит за счет выпадения смычного согласного, находящегося в середине группы. Применительно к практике РР этот список может быть существенно увеличен:

3.1. В РР особенно неустойчивы те консонантные группы, куда входит <в>, при этом упрощаться могут не только сложные (трехкомпонентные) консонантные группы, но и группы из двух согласных: начинающие слово: *(в)стряхивать, (в)ставить, (в)стретить, (в)скипятить (в)се (в)ремя*; группы с <в> в середине слова: *нра(в)ственность, воз(в)ратиться, со(в)сем, раз(в)е*; последнее <в>, кончающее слово: *чувст(в), свойст(в)*. Регулярно выпадает <в> в конце группы согласных перед [в] следующего слога: *участ(в)овать, приветст(в)овать* (сравни *уча[ств]ую, приве[цтв]ую, пер(в)ого*).

3.2. Регулярно утрачивается <т'> в конечном сочетании *-ть* в словах и морфемах, которые высоко частотны в речи, типа *ес(ть), пус(ть), злос(ть), глупос(ть), вылез(ть)*.

²¹⁵ Аванесов Р. И. Указ. соч. С. 189–193.

3.3. В некоторых высокочастотных словах упрощаются группы согласных, устойчивые в менее употребительной лексике:

[гд] — *(г)де, ко(г)да, то(г)да, все(г)да*, но *Вологда, Богдан*;

[л'з'] — *не(ль)зя*, но *гильзе, пользе*;

[л'к] — *то(ль)ко, ско(ль)ко*, но *полька, пулька, Валька*;

3.4. Некоторые случаи выпадения сочетаний гласных с согласными можно считать морфологизованными:

3.4.1. сочетание гласного с сонорным <л'> регулярно выпадает в суффиксе *-тельн-*: *обяза[т'н]о, действи[т'н]о, следова[т'н]о, учи[т'н']ица*;

3.4.2. в прилагательных и наречиях на *-ствен-* регулярно выпадает *-ве-* (*-тве-*) *естес[тн]о* и *есте[с'н]о, собс[тн]ый* и *соб[с'н]ый*;

3.4.3. регулярно эллиптируются фрагменты отчеств с *-ов-*, *-ев-*: *Ива[нч']*, *Алек[с'эч']*, *Дмит[р'эч']*. Такого рода сокращения Р. И. Аванесов считал не только допустимыми, но и предпочтительными в практике устной литературной речи²¹⁶. Так, например, на заседании, посвященном юбилею профессора С. Б. Бернштейна, несколько десятков раз было произнесено *Самуил Бори[сч']* и даже *Бори[ш'ч']* и только один раз — *Бори[счв'ич']*.

3.5. В истории языка имеется ряд случаев лексикализации и кодификации явлений разговорной фонетики: так, частица *ишь* обязана своим происхождением компрессии глагольной формы *видишь*; местоимение *кой* — компрессии местоимения *какой*.

3.6. Компрессия слова проявляется и в выпадении целых фрагментов слов и утрате более чем одного слога: [ис'т'эс'нъ] *естественно*, [н'паср'эцнъ] *непосредственно*, [с'он' ть пад'бш] *сегодня ты пойдешь*, [сършэн в'эрънъ] *совершенно верно*, [ч'эк двáцэт'] *человек двадцать*, двою[рн]ый, [п'с'ат] *пятьдесят*, [ш'ас], [мóжбът'] *может быть*.

Как пишет С. В. Кодзасов, «Многие эллиптические явления в настоящее время отделились от того фонетического условия (быстрого темпа), с которым они первоначально были связаны, и выступают в речи при установке говорящего на особую речевую форму — разговорную. Они образуют дополнительный словарь сокращенных высокочастотных морфем и слов (т. н. «аллегро форм») и набор особых фонетических правил».²¹⁷

§ 200. Итак, состав фонем РР, как гласных, так и согласных, содержит те же единицы, что и в системе КЛЯ. Но в РР выявляются слабые позиции, которые не считаются таковыми в КЛЯ, и в связи с этим удлиняются вариативные ряды гласных и согласных за счет тех реализаций, которые не свойственны им в КЛЯ (например, [ъ] и [ь] для <у>), и едва ли не любая фонема получает возможность «нулевой» реализации в результате эллиптических явлений. В результате многие фонемы могут нейтрализоваться с теми фонемами, с которы-

²¹⁶ Там же. С. 223.

²¹⁷ Кодзасов С. В. Указ соч. С. 131.

ми в КЛЯ они находятся в отношении постоянной, ненейтрализованной оппозиции.

Статус разговорной речи

§ 201. Итак, что же такое «разговорная речь»? Жанр? Стилль? Особый язык? При имеющейся в настоящее время невыясненности самих этих понятий применительно к фонетике определенно ответить на этот вопрос трудно.

Другой вопрос — как соотносятся понятия «литературный язык» и «разговорная речь»? «Кодифицированный литературный язык» и «разговорная речь»? На этот счет существуют разные мнения.

Разговорную речь нельзя не считать литературной, если она является основным и естественным средством общения литературно говорящих людей. Р. Якобсон и М. Халле писали: «Небрежное произношение является лишь сокращенным производным вариантом полной, отчетливой формы речи, которая несет наибольшее количество информации. При анализе системы фонем и различительных признаков, которые их составляют, нужно исходить из наиболее полного кода, который имеется в распоряжении говорящих на данном языке»²¹⁸.

Можно ли считать разговорную речь «вторым» литературным языком, хотя и не имеющим своеобразного состава фонем, но имеющим целый ряд особых фонетических правил, а всех пользующихся ей людей — своего рода билингвами? Но в таком случае билингвами являются едва ли не все, поскольку с уверенностью можно сказать, что нет человека, не пользующегося разговорной речью и всегда и при всех обстоятельствах соблюдающего только правила КЛЯ. Вряд ли есть смысл в такой постановке вопроса. Кроме того, для билингвизма характерен осознанный, контролируемый сознанием переход с одного речевого стандарта на другой. Ничего подобного мы в данном случае не наблюдаем. Более того, в речевой практике человека отсутствует деление на такие речевые жанры, в которых употреблялся бы КЛЯ «в чистом виде», без вкрапления тех особенностей РР, о которых шла речь выше, и такие жанры, в которых не было бы места закономерностям КЛЯ²¹⁹.

Существование в тексте элементов полного (зафиксированного нормативными документами) и неполного (разговорного) типов произнесения полностью подтверждается исследованием речевой коммуникации в сфере научной деятельности²²⁰. Есть основания думать, что и все другие жанры официальной речи не лишены фрагментов, кото-

²¹⁸ Якобсон Р., Халле М. Фонология и ее отношение к фонетике // Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962. С. 234–235.

²¹⁹ Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В., Зиндер Л. Р., Касевич В. Б. Стили произношения и типы произнесения // ВЯ. 1974. № 2. С. 69.

²²⁰ Современная русская устная научная речь. Том I. Красноярск, 1985.

рые должны быть отнесены к разговорному (неполному) типу произнесения.

Следовательно, о «нелитературности» РР речи быть не может.

Очевидно, явления «разговорной» фонетики следует рассматривать как факультативные неполные реализации звукового состава слов, полный состав которых представлен в КЛЯ.

§ 202. Насколько применимы к РР понятия «нормы» и «кодификации»? Какие варианты произнесения могут быть восприняты как нарушение нормы РР? Безусловно — это привнесение в нее элементов диалектной фонетики: оканья ([до товó столбá]), фрикативного произношения звонкого заднеязычного согласного и его глухой пары ([нау́а] — [нох]) и др. Но это полностью отвечает и нормативным требованиям КЛЯ, а другие нормативные требования к РР предъявить вряд ли можно: эллиптированность ее (сокращение речевого кода) и разнообразие звуковых замен автоматически регулируются необходимостью адекватного восприятия информации. Как бы ни было деформировано слово, оно произнесено «правильно», если воспринято без каких-либо коммуникативных осложнений. При этом эллиптированные произнесения, которые не привлекают к себе внимания в процессе непринужденного бытового общения, в большинстве случаев воспринимаются как ненормативные, если их «пересаживают» в другой контекст, в сильную фразовую позицию, где действуют правила КЛЯ, но произнесение в разговорном тексте некоторых слов по нормам «полного» стиля не вызывает стилистического конфликта. Так, например, в РР вполне «нормально» звучит [ja vʃʲʔ-d zabʲɪl] и [ja vʃapʲʔ-tʲ zabʲɪl]; но в позиции под акцентом [vʃʲʔ] звучит вульгарно-иронически, как «языковая игра»: [ну ты ваʃʲʔ! В РР формальное обращение «нормально» звучит [tʲrʲʃʲʔ nʲaʧʲʔlʲnʲɪk]; но и обращение, произнесенное по нормам «полного» стиля [tavʲarʲʃʲʔ nʲaʧʲʔlʲnʲɪk], тоже вполне уместно. Однако в «пафосном» обращении [tavʲarʲʃʲʔ nʲaʧʲʔlʲnʲɪk]!, где каждое слово ударно, замена на [tʲrʲʃʲʔ] могла бы дать резкое снижение пафоса и комический эффект, подобно известной фразе из репризы А. Райкина: «Меняться бум?» Сравни также разговорное [vot ʃʲʔ adʲʔnʲusʲʔ i prʲidʲu] и вульгарно-ироническое [ʃʲʔa]! в ответ на просьбу что-то сделать.

Впрочем, некоторые эллиптированные слова из числа высокочастотных регулярно употребляются в текстах КЛЯ, не нарушая их стилистической цельности — например, [ʃʲʔas], [tʲʃʲʔʲ], некоторые имена и отчества — как, например, [Mʲixʲal Sʲirgʲʔʲɪʧʲʔ].

Возможна ли и нужна ли кодификация РР? Кодификация — это определение обязательных реализаций или, по крайней мере, жестких границ варьирования; это обязательность оценочных помет, закрепленных в словаре. Для РР это неприемлемо, поскольку прежде всего — безрезультатно: разговорная речь спонтанна и почти неподконтрольна говорящему, иначе она просто теряет статус разговорной речи.

Фонетические особенности разговорной речи

Поэтому РР следует считать реализацией устной литературной речи в условиях непринужденного общения, когда ослаблен контроль над произношением и ведущим становится принцип экономии языкового кода и сокращения избыточности информации, которую содержит звучащая речь. Следует еще раз сказать, что именно такая (называемая разговорной) форма реализации устной речи является основной в практике общения людей.

В лингвистическом плане изучение разговорной речи дополняет знание фонетики сведениями о функционировании фонем в условиях фразовой безударности слова и возможностях экономии речевых средств для передачи языковых значений.

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Зиндер Л. Р., Касевич В. Б. Стили произношения и типы произнесения // Вопросы языкознания. 1974. № 2.

Кодзасов С. В. Фонетический эллипсис в русской разговорной речи // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. М., 1973.

Русская разговорная речь. Глава I. Введение. Глава II. Фонетика. М., 1973.

Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. Глава I. Суперсегментная фонетика. М., 1983.

ЧАСТЬ IV. ОРФОЭПИЯ

§ 203. Орфоэпией называется описание произносительных норм языка. Назначение орфоэпии — установление единообразия в произношении с целью облегчения устной коммуникации между членами общества. Ту же цель преследует свод правил о пользовании письменной речью, называемый орфографией.

Но между орфографией и орфоэпией имеется существенная разница, обусловленная тем, что, как писал Л. В. Щерба, «...полтораста миллионов, рассеянные по колоссальной территории, не могут говорить одинаково, а писать должны одинаково»²²¹. В области орфографии мы всегда точно знаем и время введения того или иного правила, и авторов его формулировки. Орфоэпические же правила складываются стихийно и не имеют авторов. Авторы орфоэпических описаний и словарей-справочников — это не создатели орфоэпических норм, а всего лишь их интерпретаторы: они описывают то, что уже сложилось в практике устного общения человеческого коллектива, и их предписания относительно «правильности» звукового состава слов, их орфоэпические рекомендации могут быть более или менее успешными и полезными только в меру того, насколько верно угадана и спрогнозирована ими заложенная в языковом сознании социума тенденция говорить так или иначе.

Орфография обладает средствами «диктата» обществу своих правил (путем школьного обучения, издательской деятельности); орфоэпия же такими средствами не обладает. Необходимость следования орфоэпическим правилам реально существует только для тех, чьи профессиональные обязанности связаны с «говорением» — это актеры, дикторы радио и телевидения; для всех остальных «правильное» произношение — это результат их сознательного выбора, желания приобщиться к культуре речи, и они осуществляют свои намерения в первую очередь путем подражания тем, кто имеет социальный и культурный престиж в обществе. Орфографическая норма является, тем самым, регламентирующей, орфоэпическая — по преимуществу рекомендательной.

Кроме того, орфография целиком находится в «светлом поле» сознания, т. е. человек сознательно обучается ей и впоследствии может контролировать свои навыки письма. Орфоэпия же усваивается путем подражания и действует главным образом в сфере фонетической автоматике, т. е. в «темном поле» сознания, почти не подконтрольном говорящему, и ответ на вопрос «Как Вы произносите...?»

²²¹ Щерба Л. В. Безграмотность и ее причины // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 56.

часто не соответствует действительности: зрительный (орфографический) облик слова «заслоняет» его произношение: так, например, далеко не все люди осознают обязательность оглушения или озвончения согласного в предлоге, примыкающем к слову, которое начинается с шумного согласного ([г дбму], [ф парк]), и даже того, что в первом слоге слов *стонать* и *вставать* они произносятся один и тот же гласный [а].

§ 204. И орфография, и орфоэпия основываются на понятии **нормы**. О месте нормы в системе понятий «язык» и «речь» так писал Э. Косериу: «Функциональный язык (язык, на котором можно говорить) — это система функциональных противопоставлений и нормальных реализаций, или, точнее, это система и норма. Система есть система возможностей, координат, которые указывают открытые и закрытые пути в речи, понятной данному коллективу, а норма, напротив, — это системы обязательных реализаций, принятых в данном обществе и данной культуре. Норма соответствует не тому, что можно сказать, а тому, что уже сказано и что по традиции говорится в рассматриваемом обществе»²²². Норма находится «в пределах» системы, но не всегда использует те пути, которые открывает для нее система. Так, например, нормативна форма *профессора́*, но не нормативна *инженера́*, занимающая то же место в системе; допустимо *махаю* (наряду с *машу*), но категорически не разрешено *пахаяю* (только *пашу*); нормативно *ткёт*, но не нормативно *жгёт*; в норме отсутствует форма род. падежа мн. числа слова *мечта*, которая в случае нужды заменяется формой однокоренного существительного *мечтаний*, хотя в системе ей предназначено место среди форм с нулевым окончанием (**мечт* — как *мачт*, *жён* и т. п.).

Норма имеет две фундаментальные особенности, которые можно считать условиями ее существования:

- наличие вариантов,
- оценка существующих вариантов.

Наличие вариантов является естественным условием возможности выбора того или иного произношения. Так, если в речевой практике коллектива сосуществует произношение *жу[ж']ать* и *жу[ж]ать*, то говорящий может сознательно предпочесть и практиковать в своей речи то или другое. Но, например, лабиализованное произношение согласного перед [у] ([с^оу]д в отличие от [са]д) или [и]-образная начальная фаза у гласного, следующего за мягким согласным ([с^иа]ду в отличие от [са]ду) не допускают вариантов; они не осознаются и не могут быть предметом выбора. Поэтому первое может относиться к проблемам орфоэпии, а второе — только объект описательной фонетики.

Но и существование произносительных вариантов совсем не всегда обязывает к сознательному выбору: оно только открывает такую воз-

²²² Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963. С. 174.

■ возможность. Так, например, вариативность произношения безударных гласных после мягких согласных, обусловленная сосуществованием эканья («старшей» нормы, в которой различаются безударные реализации <и> и <е>, <о>, <а>) и иканья («младшей» нормы, в которой совпадают безударные реализации <и>, <е>, <о>, <а>), едва ли фиксируется слухом неспециалиста и обычно не бывает предметом сознательного выбора говорящего; это возможно только в некоторых особых обстоятельствах — так, Д. Н. Ушаков в сороковых годах XX века, констатируя существование эканья и иканья в речи москвичей, говорит, что для сцены и эстрады иканье не рекомендуется. В этом случае выбор из двух вариантов и сознательное воспроизведение одного из них возможны только путем специальных тренировок людей, поставивших перед собой такую цель.

Об автоматизме произносительных навыков свидетельствует и характерное несовпадение между реально практикуемым произношением и тем, как его оценивает сам говорящий (это называют одним из парадоксов социолингвистики) — это показал результат эксперимента (см. выше § 35), продемонстрировавшего расхождение в оценке и произношении первого согласного в слове *зверей* (18,5% мягкого по собственной оценке говорящих, 72% по оценке магнитофонной записи их же речи), а также сопоставление письменных ответов на вопрос об употребляемом варианте родительного партитивного падежа (*чая / чаю, творога / творогу* и т. п.) с данными устного интервью, которое показало только 73,7% случаев их совпадения²²³. Близкие к этому результаты дает и сопоставление акцентных вариантов — реально употребляемых с теми, которые говорящий считает правильными и приписывает себе.

§ 205. Но в отношении к вариантам орфоэпическая норма также существенно отличается от нормы орфографической. Естественно, что орфографическая норма тоже предполагает возможность других вариантов написания (иначе зачем была бы нужна орфография? Она не нужна для того, чтобы правильно написать слово *сухой*, но нужна, чтобы написать *сухого*, а не *сухова*; *собака*, а не *сабака*; *дрова*, а не *драва*); но орфографическая норма, в отличие от орфоэпической, категорически отвергает варианты. В орфографии нормативен лишь один вариант, и только он приводится в орфографических словарях (единственное исключение — это возможность двоякого написания в словах *е* или *ё*). Орфоэпия же существует только для того круга слов (словоформ), где реально наблюдаются произносительные варианты, которые и составляют содержание орфоэпических словарей. Л. В. Щерба писал в связи с этим: «Очень часто, особенно при смешении диалектов, норма может состоять в отсутствии нормы, т. е. в возможности сказать по-разному. Лингвист должен будет все же определить границы колебаний, которые и явятся нормой»²²⁴. Конкурирующие варианты произношения могут быть рав-

²²³ Русский язык по данным массового обследования / Под ред. Л. П. Крысина. М., 1974. С. 163.

мой»²²⁴. Конкурирующие варианты произношения могут быть равноправны либо неравноправны по отношению к норме. В орфоэпических словарях даются не только нормативные варианты; вариант, оцениваемый как ненормативный, приводится в том случае, если он встречается в речевой практике, но принадлежит меньшинству говорящих и при этом фиксируется слухом не только специалистов, но и «рядовых» членов социума и вызывает у них негативную реакцию. Так, например, по данным Орфоэпического словаря русского языка (далее ОС–83)²²⁵ правильно (нормативно) *подня́лся* и *подня́лся*, неправильно (ненормативно) *пóднялся*, которое тоже встречается в речи.

Наличие произносительных вариантов может иметь разные причины, но как правило, один из вариантов является «старшим», а другой «младшим». Младший вариант обычно сначала появляется в нормативных словарях с «отрицательной» пометой «неправильно» или «не рекомендуется», но со временем «меняется местами» со старшим вариантом, который сначала уступает ему первое место, затем получает пометы типа «допустимо устаревающее» и далее исчезает из словарей. Так, например, личные формы глагола *дружить* словари до середины XX века давали только с ударением на окончании — *дружи́т*; в словарях 1960–1970-х годов рядом с ней появляется форма *дру́жит* с пометами «просторечное» и «допустимо», а также на втором месте в числе равноправных (*дружи́т* и *дру́жит*); далее *дру́жит* получает статус нормы, а *дружи́т* приобретает пометы «устаревающее» и «допустимо устаревающее».

§ 206. Орфоэпическая норма устанавливается специальными словарями, хотя и толковые словари обычно содержат некоторые пометы орфоэпического характера. Объектом рекомендаций в словарях-справочниках могут быть и явления, целиком относящиеся к сфере фонетики (например, [с]мех или [с']мех), и особенности фонемного состава отдельных слов (*н[о]ль* или *н[у]ль*, [ш]то или [ч']то), и место ударения в слове (*краси́вее* или *красиве́е*), и образование некоторых грамматических форм (*каплет* или *капает*, *дверьми* или *дверями*). Такой полный объем сведений представлен в ОС–83, который дает полную грамматическую информацию о словах, в том числе, и не имеющих орфоэпических вариантов (тем самым, он выходит за рамки орфоэпического словаря). Практические справочники для работников радио и телевидения обычно не содержат сведений фонетического характера, ограничиваясь акцентуацией и грамматическими формами. Их рекомендации бывают более определенными и однознач-

²²⁴ Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 36.

²²⁵ Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1983 и последующие издания.

ными, допускающими меньше вариантов, чем справочники научного характера.

Оценка произносительных вариантов в орфоэпических словарях дается в виде шкалы разнообразных помет. Эти оценки бывают «разрешительными» и «запретительными», а также такими, которые просто определяют хронологический или социальный статус вариантов.

Шкала ОС–83 содержит следующие пометы:

- союз *и* соединяет равноправные варианты: *волнам и волна́м*;
- *доп.* («допустимо») — менее желательный, однако санкционированный нормой вариант; например, *творо́г и доп. твóрог*.
- *не рек.* («не рекомендуется») — например, *алфа́вит ! не рек. алфа́вит*;
- *неправ.* («неправильно») — например, *музей ! неправ. муз[э́й]*;
- *грубо неправ.* («грубо неправильно») — например, *докуме́нт ! грубо неправ. докóумент*.

Имеются также специальные пометы, уточняющие сферу употребления того или иного варианта: например, *доп. устар.* («допустимо устаревающее») или *не рек. устар.* («не рекомендуется устаревающее»); а также: *в поэтической речи возможно...*; *у моряков...*; *у музыкантов...* и т. п.

«Словарь трудностей русского произношения» (далее СТ–97)²²⁶ добавляет к этому пометы «допуст. новое» — например, *снег [с'н'] и допуст. новое [сн']ег*), а также «допуст. разг.» — например, *[с'ич'ás] и допуст. разг. [щас]*.

Диалектные варианты в нормативных справочниках обычно специально не выделяются. Однако многие из тех, которые приводятся в словарях как ненормативные, могут происходить из диалектной речи и поддерживаться ею — например, *жгёт, бра́ла* и т. п. Не упоминаются фонетические варианты, хотя некоторые из них вполне могли бы иметь место среди нормативных рекомендаций, поскольку остаточные диалектные явления такого рода проявляют иногда большую устойчивость и надолго задерживаются в речи людей, овладевающих литературной нормой произношения: это относится к таким, например, особенностям южнорусского консонантизма, как фрикативное произношение заднеязычного звонкого согласного или чередование [в] / [ў]: [наўá] / [нох], [ўлава́] / [ўалóў]. Осознанию таких особенностей и стремлению избавиться от них способствует негативная реакция нормативно говорящего социума.

Оценки «хронологические» (*устар.*, *новое*) по существу не имеют нормативного характера; они лишь констатируют переходное состояние в определенном фрагменте фонетической системы, представляя говорящему возможность выбора нового или старого варианта.

²²⁶ Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. Словарь трудностей русского произношения. М., 1997.

Оценки, которые даются по шкале «разрешительных» и «запретительных» помет, можно считать нормативными в настоящем смысле слова.

§ 207. Нормативные оценки даются на основе интуиции экспертов. Таким образом, они по сути своей субъективны. Попытки найти какие-то объективные количественные параметры для установления нормативности — например, процент употребления того или иного варианта — пока не привели к успеху. Опора на традицию также не может служить основой для нормативных рекомендаций, поскольку норма не может развиваться. Для того, чтобы нормативная рекомендация была принята теми членами общества, которые в ней нуждаются, эксперт (автор словаря) должен обладать сведениями об употребительности конкурирующих вариантов и о динамике их в том социуме, который составляют образованные городские носители языка. Рекомендация эксперта должна быть поддержана социумом, иначе она может оказаться неустойчивой.

Социальный аспект изучения речи, или социалингвистика, исследует динамику произносительных вариантов в зависимости от возраста говорящих, уровня их образования, специальности, места, где прошло детство и значительная часть жизни информанта, характеристики его родителей по их социальному положению и месту рождения. Методика оценки таких сведений и использования их для выводов социалингвистического характера предложена в книге «Русский язык по данным массового обследования»²²⁷ и продолжает разрабатываться в других работах по социалингвистике.

Произносительные варианты в области вокализма

§ 208. Основное направление изменения системы безударного вокализма в русском литературном языке — это уменьшение различительной способности гласных, проявление которого мы наблюдаем в развитии иканья, т. е. в вовлечении фонемы <и> в процессы нейтрализации, и тем самым — умножении слабых позиций, увеличении количества гиперфонем и усложнении их состава. Так, если в слове *пелигрим* в системе эканья все позиции для гласных были сильными и фонемная транскрипция не содержала гиперфонем (<п'ил'игр'им> в отличие от <п'эл'эгр'ина>), то в икающей системе оба безударных гласных оказываются в слабой позиции и представляют собой гиперфонемы: <п'эл'эгр'им> как <п'эл'эгр'ина>. Безударные гласные в слове *телефон* в любой произносительной норме ([т'ъл'и'фѳн]) или ([т'ъл'ифѳн]) представляют собой гиперфонемы, но в икающей норме состав их усложнился: в эканье <т'эл'эфѳн>, в иканье — <т'эл'эфѳн>.

Социологическое исследование распределения вариантов икающего и экающего произношения не производилось: вероятно, люди сейчас

²²⁷ Русский язык по данным массового обследования. М., 1974. (Авторы главы «Фонетика» — М. Я. Гловинская и С. М. Кузьмина).

не делятся на «экальщиков» и «икальщиков»; эти варианты сосуществуют в речи каждого индивидуума и распределены в зависимости от условий продуцирования речи — в замедленном темпе, в художественной и певческой речи больше вероятность проявления эканья; в небрежной разговорной речи господствует иканье. Следует заметить, что дети, которых еще не обучали чтению и письму, при растягивании и скандировании безударных гласных после мягких согласных произносят только два гласных: [и] и [у]. И, конечно, только знание орфографии может провоцировать разное (по нормам эканья) произношение безударных гласных в гиперфонемных ситуациях — таких как *герой* и *гитара*; *кино* и *кефир*; *пенал* и *питон*; *метро*, *мятеж*, *медаль* и *мираж* и т. п.

ГЛАСНЫЕ ЗАУДАРНЫХ СЛОГОВ

§ 209. Д. Н. Ушаков и Р. И. Аванесов констатировали такую фонетическую «аномалию»: если в предударных слогах гласные 1-й и 2-й степени редукации [ъ] и [ь] четко распределены в зависимости от позиции (после твердых — [ъ], а после мягких — [ь]), то в заударных слогах [ъ] возможен не только после твердых, но и после мягких согласных ([ь] — только после мягких). Правила их распределения Р. И. Аванесов описывает следующим образом:

<а> реализуется звуком [ъ]

в конечном открытом слоге:

- в им. падеже ед. числа существительных жен. рода *кап*[л'ъ], *во*[л'ъ],
- в род. падеже существительных муж. и сред. рода *мо*[р'ъ], *по*[л'ъ], *оку*[н'ъ],
- в им. падеже мн. числа существительных сред. рода *не*[р'ъ],
- в окончаниях прилагательных жен. рода *зла*[и'ъ],
- в суффиксе деепричастия *ви*[д'ъ];

в неконечном и конечном закрытом слоге:

- в дат., твор. и предл. падежах мн. числа существительных *кап*[л'ъм], *кап*[л'ъм'и], *кап*[л'ъх], *кало*[с'ъм], *кало*[с'ъм'и], *кало*[с'ъх].
- в окончании 3 лица мн. числа глагола *но*[с'ът],

<а> реализуется звуком [ь]:

- в заударных неконечных и конечных закрытых слогах основы слова *вы*[т'ьну], *за*[н'ьт], *пло*[ш'ьт];

<о>, <е> реализуются звуком [ь]:

- в неконечном и конечном закрытом слоге в основе: *вын*[н'ь]су, *вы*[н'ь]си, [бч'ьр'ьт'];

в окончаниях:

- род. мн. и твор. ед. падежей числа существительных *оле*[н'ьи], *боле*[н'ьи], *кап*[л'ьи],
- предл. падежа муж. и сред. рода, дат. и предл. падежей жен. рода *в по*[л'ь], *в до*[м'ь], *к ба*[н'ь], *о ба*[н'ь],
- 2 и 3 лица ед. числа, 2 и 3 л. мн. числа глагола *ста*[н'ьш], *ста*[н'ьт], *ста*[н'ьм], *ста*[н'ь]те,
- в сравнительной степени *краси*[в'ьи].

В следующих морфемах отмечается находящаяся в пределах нормы вариативность [ъ] / [ь]; при этом [ъ] характеризуется как старое, а [ь] — как новое:

- в окончании тв. падежа ед. числа муж. и сред. рода типа *камнем, полем*;
- в окончании им. и вин падежей ед. числа сред. рода *поле, вижу поле*;
- в окончании род падежа мн. числа муж. рода *братьев*;
- в окончаниях род., дат. и предл. падежей ед. числа прилагательных *синего, синему, о синем*²²⁸.

Если проанализировать эту картину, то мы увидим, что в тождественных фонетических условиях разными звуками реализуются фонемы <a> и <o> (*кап[л'ъм']и — вы[н'ъс']и*), <a> и <e> (им. *кап[л'ъ]* — дат. *кап[л'ь]*) и одна и та же фонема <a> в тождественных фонетических условиях, но в разных морфемах (*он за[н'ът]* — *они но[с'ът]*). Исходя из этого, следовало бы говорить, например, *мы е[д'ь]м к медве[д'ь]м; мы хо[д'и]м с медве[д'ь]м; они хо[д'ь]т с медве[д'ь]ми; мы пла[ч'ь]м громким пла[ч'ь]м; мы кап[л'ь]м по кап[л'ь]м*.

Представляется очевидным (и это подтверждают исследования фонетистов), что в современном литературном произношении различие гласных [ъ] и [ь] в основном утрачено и на заударные позиции распространилась фонетическая зависимость более или менее переднего качества гласного от мягкости или твердости предшествующего согласного. Следы фонологической зависимости (разной реализации фонем <a>, <o> и <e>) сохранились только в заударном открытом слоге перед паузой: <a> и <o> чаще реализуются в [ъ], <e> — в [e^в] или [ь^в] (*но[л'ъ] засеяно, вывезли с по[л'ъ] — гуляли в по[л'ь^в]*).

Развитие иканья, суть которого состоит, как уже говорилось, в уменьшении различительной способности гласных в безударных слогах, проявилось в данном случае в снятии противопоставленности фонем неверхнего подъема во всех позициях, кроме конечного открытого слога, где [ъ] как реализация <e> может противопоставляться [ь] как реализации <o> и <a>.

ГЛАСНЫЕ ПОСЛЕ ТВЕРДЫХ ШИПЯЩИХ

§ 210. По орфоэпическим нормам начала XX века, которые получили отражение в трудах Д. Н. Ушакова, <a> после <ш>, <ж> в 1-м предударном слоге реализовалось звуком [ы³] (*[шы³]гать, [жы³]ра* — т. е. в принципе так же, как после мягких согласных (*[п'и^в]так, [ч'и^в]сы*). Такой же звук соответствовал и орфографическому *а* в гиперфонемных ситуациях: *[жы³]ндарм, [шы³]лаш, [шы³]рманка* и т. п.

В дальнейшем, по-видимому, <ш> и <ж> были «переосмыслены» в системе как твердые согласные, в связи с чем и появилось произношение *[жа]ра, [ша]гать, как [са]ды, [да]ры*.

²²⁸ Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1972. С. 69–71.

Однако замена [ы³] на [а] не имела характера фонетической закономерности, распространяющейся на все слова, в которых имеется данная позиция. Нормативным осталось старое произношение [ы³] (которое далее в итоге развития иканья совпало с реализацией фонем <и>, <е>, <о>) в ряде слов: *жакет, жасмин, ржаной, жалеть* (и его производных), в косвенных падежах слова *лошадь*²²⁹.

Это изменение произносительной нормы в целом не затронуло сочетаний <жо>, <шо> ([шолк] — [шы]лка, [жон] — [жы]на), но иноязычные слова с орфографическим *о* обычно произносятся по нормам аканья, как после парных твердых согласных: [ша]кировать, [ша]фёр, [ша]тландец, [жа]кей, [жа]нглёр, в том числе, и имена собственные (*Шопен, Жорес* и т. п.), хотя в них допустимо и безударное [о], свидетельствующее о неполной освоенности слова.

После [ц] в таких словах, как *цари, царпать* и их производные, всегда произносилось [а], но в словах *двадцати, тридцати* — [ы³] или [ы].

Произносительные варианты в области консонантизма

СОЧЕТАНИЯ СОГЛАСНЫХ СО ВТОРЫМ МЯГКИМ

§ 211. Д. Н. Ушаков рекомендовал (и практиковал в своей собственной речи) мягкое произношение первого согласного в следующих сочетаниях:

1. зубной + зубной:
[с'т'] — *ко[с'т'], ну[с'т']и, е[с'т'эс'т'в']енно, [с'т']их;*
[с'л'] — *е[с'л']и;*
2. зубной + переднеязычный:
[н'ч'] — *ны[н'ч']е, ня[н'ч']ить, то[н'ч']айший;*
[н'ш'] — *ба[н'ш']ик, де[н'ш']ик, же[н'ш']ина;*
3. зубной + губной:
[д'в'] — *д[д'в']ерь,*
[т'в'] — *т[т'в']ердить,*
[з'в'] — *з[з'в']ерь, ра[з'в']е, ра[з'в']ить;*
[с'в'] — *с[с'в']ет;*
[с'м'] — *с[с'м']ирный, [с'м']ерть;*
[з'б'] — *ра[з'б']ить;*
4. губной + заднеязычный:
де[ф'к']и, ла[ф'к']и, приста[ф'к']и, пото[м'к']и;
5. [р] + губной или переднеязычный:
ко[р'м']ить, не[р'в']енец, ко[р'н']и, фона[р'ш']ик, сме[р'т'], тве[р'д']ить;
6. любой согласный + [j] в любом положении в слове:
[в'j]езд, о[б'j]ем, о[б'j]авить, о[т'j]езд, по[д'j]езд, [с'j]езд, [с'j]ехать
и т. п.²³⁰

²²⁹ При этом в словах *жакет, жасмин* допускается произношение [а] с пометой «доп. новое» — см. СТ-97.

²³⁰ Ушаков Д. Н. Русская орфоэпия и ее задачи. О правильном произношении // Д. Н. Ушаков. Русский язык. М., 1995. С. 175.

§ 212. Сопоставление рекомендаций Д. Н. Ушакова с данными современных орфоэпических словарей показывает совершенно определенное направление динамики ассимилирующего воздействия последующего мягкого согласного на предшествующий: эта зависимость уменьшается, но не равномерно по отношению к разным сочетаниям согласных (вероятность смягчения тем выше, чем больше общих признаков у согласных) и к их положению в слове: «Согласный дольше сохраняет мягкость в положении перед следующим мягким в позиции внутри корня не в начале слова, в русских часто употребляющихся и хорошо освоенных носителями языка стилистически нейтральных словах. Согласный чаще произносится твердо перед следующим мягким в позиции стыка морфем, в начале слова, после твердых согласных, а также в заимствованных, редко употребляющихся словах книжной стилистической окраски» (СТ–97, с. 15).

ОС–83, основываясь на описании орфоэпической нормы Р. И. Аванесова²³¹, дает следующие рекомендации относительно мягкости первого согласного перед вторым мягким:

- обязательное смягчение в следующих сочетаниях: [н] + [н'], [с] + [с'], [з] + [з'], [с] + [т'], [з] + [д'], [с] + [н'], [з] + [н'], [н] + [т'], [н] + [д'], [н] + [ч'], [н] + [ш']: *дли[н'н']ей*, [с' с']*естрой*, [з' з']*имы*, [с' т']*иль*, [з' д']*есь*, [с' н']*ег*, *жи*[з'н'], *ви*[н'т']*ик*, *де*[н'д']*и*, *ны*[н'ч']*е*, *же*[н'ш']*ина*;
- факультативное смягчение: в некоторых сочетаниях зубных согласных ([с] + [л'], [з] + [л'], [н] + [с'], [н] + [з']), в сочетаниях «зубной» + «губной» ([д] + [м'], [с] + [м'], [з] + [м'], [з] + [б'], [с] + [п'], [д] + [в'], [т] + [в'], [с] + [в'], [з] + [в'], [с] + [ф']);
- «запрещенное» смягчение: [р'] + любой мягкий согласный; губной + [к'] — смягчение первого согласного считается ушедшим из литературной нормы, фонетическим признаком просторечия.
- смягчение согласных перед [j] остается обязательным только внутри корня и на стыке корня с суффиксом либо окончанием (перед орфографическим *ь*): [п'j]у, *се*[м'j]а, *сыно*[в'j]а, *су*[д'j]а, *вра*[н'j]о, *тря*[п'j]о. На стыке приставки и корня (перед орфографическим *ь*), а также предлога и следующего слова по-разному ведут себя фрикативные согласные [с], [з] и смычные [т], [д], [б]: смягчение фрикативных факультативно ([с]езд и [с'j]езд, *ра*[зj]езд и *ра*[з'j]езд, [с j]уга и [с' j]уга, *и*[з j]олки и *и*[з' j]олки); смычные согласные не должны смягчаться (*о*[тj]езд, *по*[дj]ем, *о*[бj]езд, *о*[т j]олки, *пе*ре[д j]а[мой]).

Разница в поведении одних и тех же согласных в зависимости от их положения в морфемной структуре слова свидетельствует о большей (очевидно, возросшей) значимости границы между приставкой и корнем по сравнению с границей корня и суффикса.

СТ–97 констатирует возможность твердого произношения любого согласного перед любым мягким; однако в качестве обязательной отме-

²³¹ Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1984.

чается мягкость только в сочетаниях одинаковых согласных ([м'м'], [б'б'], [п'п'], [с'с'], [з'з'], [т'т'], [д'д']), зубных перед зубными, кроме [л'], — ([с'т'], [з'д'], [с'н'], [з'н'], [н'т'], [н'д'], [т'н'], [д'н']), [н] перед переднеязычными ([н'ч'], [н'ш']), зубных перед [j] ([с'j], [з'j], [т'j], [д'j]) внутри корня не в начале слова — позиции оптимальной для ассимилирующего воздействия мягкого согласного.

Факультативная мягкость первого согласного — например, губно-о перед мягким губным или заднеязычным ([в'м'], [б'в'], [п'к']) или зубного перед мягким губным ([с'в'], [д'в'], [з'б']) — дается с пометой «допуст. устар.»; факультативная твердость первого согласного — например, в сочетаниях зубных [нс'], [зд'] — дается с пометой «допуст. новое».

Однако проблема ассимилятивной мягкости первого согласного в сочетаниях со вторым мягким, как и некоторые проблемы вокализма, связанные с установлением иканья, является скорее фонетической, чем орфоэпической: эти речевые особенности воспроизводятся полностью автоматически; говорящий не ставит перед собой задачу выбора «правильного» произношения, а нормативные справочники всего лишь констатируют сложившуюся ситуацию, не имея серьезных шансов на нее повлиять.

ПРОИЗНОШЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ СОЧЕТАНИЙ СОГЛАСНЫХ

§ 213. <ч'н>. Нормы произношения [ч'н] или [шн] в соответствии с орфографическим *чн* весьма неопределенны. Д. Н. Ушаков предписывал произношение [шн] в обиходно-бытовой лексике и [ч'н] в «книжной»; например, *коне[шн]о*, но *бесконе[ч'н]ость*, *друг сердце[шн]ый*, но *болезнь сердце[ч'н]ая*. Р. И. Аванесов добавляет к этому обязательность произношения [ч'н] в словах, имеющих родственные образования со звуком [ч'] (*дачный*, *речной*, *печной*, *мелочный*, *встречный*, *начну* и др.) и допускает вариативность [ч'н] / [шн] в таких словах, как *булочная*, *сливочное*, *ячневая*, *молочный*, *копеечный*, *порядочный*, *шапочный*, *стрелочник*, *яблочный*, *коричневый* и др. СТ–97 подтверждает нормативность произношения [шн] в словах *конечно*, *скучно*, *ячница*, *пустячный*, *скворечник*, *пращечная*, *горчичник*, *горячечный* и в женских отчествах на *-ична* (*Ильинична*, *Никитична* и др.).

Очевидно, что в современном произношении эта вариативность «разрешается в пользу» варианта [ч'н], и никаких непреодолимых запретов здесь нет; нет также и твердых правил выбора того или иного варианта. Руководством в сомнительных случаях могут быть только рекомендации орфоэпических словарей.

<ч'т>. Норма предписывает произношение этого сочетания как [шт] в слове *что* и его производных, кроме *нечто* и *ничто* (для *ничто* допустимы варианты *ни[ч'т]о* и *ни[шт]о*).

§ 214. <гк>. В этом редко встречающемся сочетании первый согласный «фрикатизируется» и произносится *ле[хк]о*, *мя[хк]о* и в производных от них словах, в том числе, *ле[хч']айший*, *мя[хч']айший*. Фрика-

тизация заднеязычных согласных перед смычными была значительно шире распространена раньше; так, Д. Н. Ушаков рекомендовал произношение *ко[γ]да, все[γ]да, ко[х]ти* и сам произносил [х] *концу*. Это отразилось и в ОС–83, который упоминает произношение *ко[х]тя, де[х]тя* с пометой «не рек. устар.»

§ 215. Сочетания согласных с промежуточными смычными [т], [д], [к], [г] могут упрощаться за счет «нулевой» реализации этих согласных; эти упрощения не в равной степени обязательны для разных сочетаний согласных и для разных слов²³²: <стс> — *ше[сс]от, тури[сс]кий*; <рдц> — *се[рц]е*; <стц> — *под у[сц]ы*, <нтц> — *голла[нц]ы*; <стн> — *ме[сн]ый*, но *грубошер[стн]ый*; <здн> — *пра[зн]овать, по[зн]о*, но *бе[здн]а*; <стл> — *сча[сл']ивый*, но *ко[стл']явый*; <нтс> — *голла[нц]кий*; <нтк> — *официа[нтк]а, студе[нтк]а* и *голла[нк]а, шотла[нк]а*; <ркс> — *петербу[ркс]кий* и *петербу[рс]кий* (в том случае, если не используют другой словообразовательный вариант — *петербур[ш]ский*); <стк> — *же[ск]ий*, но *пое[стк]а*).

ПРОИЗНОШЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СОГЛАСНЫХ

§ 216. <ш̄'>. Нормативная реализация этой фонемы, которой на письме обычно соответствует буква *щ*, предполагает мягкое, однородно фрикативное произношение. Вариантом нормы до недавнего времени была ее реализация с затворным элементом внутри, типа [ш'т'ш'] ([ш'ч']), более свойственная петербургскому произношению.

Но звук [ш̄'] имеет и другие фонемные (а точнее, бифонемные) эквиваленты, и в этих случаях он может варьироваться с [ш'ч']: например, на стыке приставки и корня сочетание <зч> имеет два варианта нормативной реализации: *ра[ш̄']еска* и *ра[ш'ч']еска*; но на стыке корня и суффикса для того же сочетания фонем нормативной в настоящее время признается только одна реализация — [ш̄'] (*во[ш̄']ик*).

§ 217. <ж̄'>. Эта фонема не имеет собственного графического выражения в виде специальной буквы алфавита; она передается буквосочетаниями *жж, зж, жд̄'* (в одном слове *дождь* и его производных), которые могут читаться и как простые последовательности букв, передающие звучание [ж:] или [жд̄'] ([шт']). Количество слов с этой фонемой невелико; это *дрожжи, брызжет, визжать, дребезжать, размозжить, брюзжать, возжи, езжу, жжет, позже, брезжить, сожженный, взгромозжу, жужжать, можжевельник, дождь* и их производные. Смысловая нагрузка этой фонемы — нулевая. Сочетание этих факторов, видимо, и обусловило ее неустойчивость и замену бифонемным сочетанием <жж> и [жд̄'] в слове *дождь*.

Динамика орфоэпических рекомендаций отражает этапы исчезновения этой фонемы: Д. Н. Ушаков рекомендует только мягкое произношение буквенных сочетаний *жж, зж, жд̄'* в перечисленных словах;

²³² Для упрощения записи в этом абзаце мы не используем обозначения гиперфонем.

ОС–83 уже допускает возможность твердого [жж]: в тексте словаря первым указывается мягкое произношение, вторым, с пометой «доп.», — твердое. СТ–97 дает мягкий и твердый варианты как равноправные; однако наблюдения над современной разговорной речью и произношением телевизионных ведущих и дикторов радио показывают явное преобладание твердого варианта и несомненную перспективу дальнейшего вытеснения мягкого. Орфоэпическим рекомендациям словарей, как правило, свойственно «запаздывать».

§ 218. [γ]. В ограниченном круге слов орфоэпическая норма допускает фрикативное произношение звонкого заднеязычного согласного, но круг этих слов постепенно сужался, и в настоящее время уже не осталось слов, где бы оно было единственным правильным. Если раньше [γ] следовало произносить в словах *богатство*, *благо*, *господь*, *бога* и в междометиях *ага*, *ого*, то СТ–97 в качестве обязательного рекомендует фрикативный согласный только в словах *бухгалтер*, *ага* и вариант [x] в слове *Бог* (при возможном *Бо[γ]а* и *Бо[г]а*).

МЯГКОСТЬ СОГЛАСНЫХ ПЕРЕД <е>

§ 219. Приход в русский язык огромного количества иноязычных слов, в которых согласные перед <е> (а также перед орфографическим *e*, которое большей частью бывает устойчиво безударным и потому гиперфонемным — например, *декан*) сохраняют твердость вопреки прежде свойственному русской фонетике правилу обязательного их смягчения в этой позиции, повлек за собой пересмотр качества данной позиции в отношении ДП твердость / мягкость. Если в работе Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова 1945 г.²³³ она характеризовалась как слабая, то в последние десятилетия ее предпочитают рассматривать как сильную, поскольку появилось некоторое количество «минимальных пар», в которых твердость или мягкость согласного играет смысловозначительную роль: *нас[тэ]ль* — *нас[т'е]ль*, [мэ]р — [м'е]р. Этому противоречит, однако, то обстоятельство, что во многих словах твердое или мягкое произношение согласного перед <е> вариативно и равноправно с точки зрения орфоэпической нормы, а следовательно — не фонологично.

Согласные проявляют разную способность смягчаться перед <е> в зависимости от их артикуляторных параметров:

- <л>, по наблюдениям Р. И. Аванесова, либо смягчалось, либо сохраняло невелиризованное «европейское» произношение (*к[le]рк*). В настоящее время, по-видимому, ранее усвоенные слова адаптировались к русской фонетике путем произношения мягкого согласного (*к[л'е]рк*, *кол[л'э]га*), а в новых заимствованиях практикуется твердое произношение — *дисп[лэ]й*, *пл[лэ]ер*, *слэ[н]г*, *лэ[й]бл*; но перед конечным ударным [е] — только мягкое: *же[л'э]*, *суф[л'э]*, *фи[л'э]*, *ша[л'э]*.

²³³ Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Система фонем русского языка // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

- Заднеязычные согласные смягчались в любом положении в слове ([к'е]кс и ни[к'е]), но в новых заимствованиях отмечается тенденция твердого произношения: [кэ]б, [хэ]лпенинг, [кэ]мпинг, [хэ]ндаут, овер[хэ]д, [хэ]ни энд.
- Губные согласные <п>, <б>, <м>, <в>, <ф> в начале и в середине слова большей частью смягчаются (исключения — ка[пэ]лла, кара[вэ]лла, [бэ]та, [бэ]би, супер[мэ]н и факультативно в словах *перфект*, *новелла*, *менеджер*, *меццо*). Перед конечным ударным <е> губные сохраняют твердость: *резю*[мэ], *кана*[пэ], *ка*[фэ] — ср. *ко*[ф'е].
- Зубные согласные и <р> проявляют наибольшую устойчивость по отношению к смягчению перед <е>, и устойчивость эта со временем, по-видимому, возрастает. Твердое или мягкое произношение зубного согласного не регулируется правилами и указывается в орфоэпических словарях применительно к каждому конкретному слову; так, например, только мягкое произношение согласного перед <е> предписывается в словах *текст*, *тема*, *тенор*, *термин*, *сектор*, *сейнер*, *серия*, *демон*, *деспот*, *кадет*, *резиденция*, *музей*, *резерв*, *нерв*, *регент*, *резус*, *рейд*, *ректор*, *рента*, *реплика*; только твердое — в словах *антенна*, *бифитекс*, *гротеск*, *модель*, *тенденция*, *фонема*, *кузен*, *ателье*, *сепсис*, *секс*, *тезис*, *темп*, *тент*, *теннис*, *тембр*, *термос*, *дека*, *дельта*, *демос*, *дерби*, *денди*, *демпинг*, *регби*, *рейх*, *реквием*; равноправные варианты — твердый и мягкий — в словах *сейф*, *секста*, *сема*, *сессия*, *сейм*, *корнет*, *ретро*. Перед конечным <е> зубные согласные и <р> не смягчаются: *варье*[тэ], *шос*[сэ], *шимпан*[зэ], *би*[дэ], *лю*[рэ]. Те же согласные чаще смягчаются в безударных слогах; например, только [сэ]кс, но [с'э] и [сэ] в слове *сексуальный*; [дэ]мос, но [д'э]мография. В безударных приставках *де-*, *ре-*, *нео-* твердое и мягкое произношение согласного варьируется обычно как равноправное.

Произношение отдельных грамматических форм

§ 220.

1. Безударное окончание формы им. падежа мн. числа существительных среднего рода (орфографическое *-а*) в старшей орфоэпической норме, рекомендованной Д. Н. Ушаковым, произносилось как [ы], что соответствовало окончанию мужского и женского рода <-и>: *пятн*[ы], *окн*[ы], *болот*[ы]. В современной норме оно заменилось произношением [ъ] (или [а]): *пятн*[ъ], *окн*[ъ], *болот*[ъ], соответствующим фонеме <а> и не нарушающим правил графики, согласно которым буква *а* не должна обозначать звука [ы].

2. Заднеязычные согласные <к>, <г>, <х> перед окончаниями прилагательных и глагольным суффиксом *-ива-* по старшей орфоэпической норме, в нарушение графических правил, произносились твердо; при

этом окончание прилагательных в им. падеже ед. числа было полностью созвучно окончанию косвенных падежей жен. рода: *дале[кѣи]*, *дол[гѣи]*, *ти[хѣи]*, *вска[кѣ]вать*, *вздра[гѣ]вать*, *разма[хѣ]вать*. В современной норме они произносятся мягко, как и полагается в соответствии с их написанием: *дале[к'ѣи]*, *дол[г'ѣи]*, *ти[х'ѣи]*, *вска[к'ѣ]вать*, *вздра[г'ѣ]вать*, *разма[х'ѣ]вать*.

Варианты твердого произношения в современных словарях уже не приводятся, однако знание этой особенности старшей нормы важно для правильного прочтения стихов, поскольку именно такое произношение часто определяло рифму; например:

Белеет парус одинокий ([кѣи])
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далекой? ([кѣи])
Что кинул он в краю родном?

3. Безударные окончания 3-го лица мн. числа глаголов II спряжения по старой московской норме, вопреки написанию *-ат*, *-ят* произносились как [ут]: *пор[т'ут]*, *ва[р'ут]*, *ды[шут]*, *слы[шут]*, а также и в возвратных глаголах *пор[т'ут]ся*, *слы[шут]ся* и в причастиях *ды[шу]щий*, *слы[шу]щий*, *пор[т'у]щийся*.

В современной орфоэпической норме установилось соответствие произношения с фонемным составом и написанием этих окончаний: *пор[т'ѣт]*, *ва[р'ѣт]*, *ды[шѣт]* и *пор[т'ѣ]тсѣ*, *слы[шѣ]тсѣ*, *ды[шѣ]щий*, *пор[т'ѣ]щийся*, а в соответствии с тенденцией неразличения гласных [ѣ] и [ѣ] в заударных слогах после мягких согласных обычным произнесением стало: *пор[т'ѣт]*, *пор[т'ѣ]тсѣ*, *пор[т'ѣ]щийся*.

Старое произношение, если оно не является специальной стилизацией, расценивается как просторечное, ушедшее за пределы орфоэпической нормы.

4. Произношение возвратного постфикса *-сь*, *-ся*. В старшей норме преобладало твердое произношение согласного в его составе; так, Д. Н. Ушаков констатировал безвариантное [с'] только в деепричастиях с ударением на последнем гласном — *боря[с']*, *стуча[с']* — и допускал как твердый, так и мягкий варианты в причастных формах типа *борящийся*. В современном произношении наблюдается дальнейшее «укрепление позиций» мягкого варианта, соответствующего написанию, но этот процесс «регулирується» зависимостью от качества предшествующего согласного или гласного. Твердый вариант остается преобладающим в тех формах, где возвратному постфиксу предшествует [л] (*взя[лса]*, *умы[лса]*); мягкий — в формах, где ему предшествует [и] (*подняли[с']*).

Вариативность твердого / мягкого согласного в этом случае допускается современной орфоэпической нормой как старший и младший ее варианты; «запрещенным» остается твердый согласный только в форме деепричастия с ударением на конце, где нормативен мягкий согласный (*беря[с']*).

Хронологические варианты орфоэпической нормы

§ 221. Современная орфоэпическая норма имеет варианты прежде всего хронологического порядка, которые называются «старшим» и «младшим».

Особенности старшего орфоэпического стандарта были сформулированы Д. Н. Ушаковым в работах 1920–1940-х годов и легли в основу орфоэпических рекомендаций Р. И. Аванесова, высказанных им в работах 1950–1970-х годов и в «Орфоэпическом словаре русского языка» под его редакцией. Появившиеся в эти годы новые явления в практике произношения Р. И. Аванесов приводит в качестве возможных вариантов орфоэпической нормы. Эти новые явления были подробно описаны в работах «Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры» (под ред. М. В. Панова, М., 1968), «Русский язык по данным массового обследования» (под ред. Л. П. Крысина, М., 1974) и представлены в «Словаре трудностей русского произношения» М. Л. Каленчук и Р. Ф. Касаткиной (М., 1997); они легли в основу понятия «младшей» орфоэпической нормы.

Те элементы звукового строя, в которых наблюдаются «старший» и «младший» варианты орфоэпической нормы, можно представить списком (см. Таблицу 26).

Следует заметить, что применительно к данному списку о смене орфоэпической нормы можно говорить только в случае замены [ы³] на [а] в произношении <a> после шипящих согласных, поскольку «старший» вариант уже не упоминается в орфоэпических словарях; он уже стал только фактом истории орфоэпической нормы. Все остальные «старшие» варианты, как правило, еще приводятся в словарях с пометой «устаревающее», поэтому применительно к списку признаков из правой части таблицы точнее было бы говорить как о проявлении тенденций, а не как о категорической смене нормы.

Произношение и написание

§ 222. Динамика орфоэпической нормы в области консонантизма (ослабление ассимилятивного смягчения согласных по мягкости; расширение круга слов с [ч'н] за счет [шн]), а также все изменения в произношении отдельных грамматических форм, — указывает на сближение произношения с написанием. Против этого решительно возражал Д. Н. Ушаков, который писал: «Чистоте произношения, кроме провинциальных акцентов, угрожает еще один враг, тем более опасный, что он под видом друга заходит, так сказать, в тыл орфоэпического фронта и действует там разлагающим образом. Дело в том, что книжное написанное слово таит в себе возможность особого рода неправильных произношений, именно произношений «буквенных», противоречащих законам всякого живого языка».²³⁴

²³⁴ Ушаков Д. Н. Указ. соч. С. 157.

Таблица 26. Основные особенности «старшего» и «младшего» вариантов орфоэпической нормы.

старший	младший
эканье	иканье
различная реализация фонем <a>, <o>, <e> в заударных слогах после мягких согласных	одинаковая реализация фонем <a>, <o>, <e> в заударных слогах после мягких согласных
реализация <a> звуком [ы ³] после твердых шипящих	реализация <a> звуком [а] после твердых шипящих
ассимиляция по мягкости в сочетаниях зубных согласных с зубными, переднеязычными и губными; губных с заднеязычными; [р] с губными и переднеязычными; любых согласных с [j]	разрушение обязательной ассимилятивной мягкости; переход некоторых сочетаний с первым мягким согласным в разряд факультативных и запрещенных
мягкая реализация фонемы <ж'> в некоторых словах	твердое бифонемное сочетание <жж> в этих словах
сочетания [ч'н], [шн]	сужение круга слов с обязательным [шн] в пользу [ч'н]
фрикативная реализация заднеязычного согласного перед следующим смычным в некоторых словах	сокращение количества случаев обязательной фрикативизации до слов <i>мягко, легко</i> и их производных
мягкость согласных перед <e> (или орфографическим <i>e</i>) в заимствованных словах	увеличение круга лексики с твердыми согласными перед <e> (<i>e</i>)
безударная флексия [-ы] (<и>) им. падежа мн. числа существительных ср. рода	единая флексия [-а] (<a>) им. падежа мн. числа существительных ср. рода
единая безударная флексия [-ут] формы 3 лица мн. числа глаголов	безударная флексия [-ът] формы 3 лица мн. числа глаголов 2-го спряжения
твердый заднеязычный согласный перед безударной флексией им., вин. падежей мужского рода прилагательных ([-г'ьй], [-к'ьй], [-х'ьй])	мягкий заднеязычный согласный перед безударной флексией им., вин. падежей мужского рода прилагательных ([-г'ьй], [-к'ьй], [-х'ьй])
твердый заднеязычный согласный перед глагольным суффиксом <i>-ивать</i> ([-г'ьвьт'), [-к'ьвьт'), [-х'ьвьт')	мягкий заднеязычный согласный перед глагольным суффиксом <i>-ивать</i> ([-г'ьвьт'), [-к'ьвьт'), [-х'ьвьт')
твердый согласный в возвратном постфиксе <i>-ся, -сь</i> , за исключением деепричастия с ударным суффиксом	расширение круга глагольных форм с мягким согласным в возвратном постфиксе <i>-ся, -сь</i>

Приходится признать, что, хотя Д. Н. Ушаковым правильно была оценена одна из основных тенденций развития орфоэпии, однако норма продолжала меняться, не вняв его рекомендациям.

Более осторожно высказался на ту же тему Р. И. Аванесов: «Важной и принципиальной проблемой является соотношение орфографии и орфоэпии, в теоретическом плане, можно сказать, еще не поставленная. При всей широте, можно сказать, необозримости круга лиц, обслуживаемых орфографией, она все же опирается, прежде всего,

на людей, владеющих орфоэпическими нормами. Но эти нормы далеко не в полной степени кодифицированы, допускают немало вариантов. Поэтому упорядочение, совершенствование орфографии в ряде случаев упирается в вопрос об упорядочении и более строгой кодификации орфоэпии. Может ли и в какой мере нормализация орфоэпии вторгнуться в самый язык, предполагая изменение фонемного или морфемного строения слова, или, наоборот, орфография — диктовать орфоэпическое произношение? Думается, что при достаточном учете тенденций развития языка некоторое — хотя и очень осторожное — «вторжение» орфографии в область устной речи, которое делает более устойчивым один из орфоэпических вариантов, возможно».²³⁵

Приведем мнение и еще одного известного лингвиста, занимавшегося проблемами орфоэпии, — Л. В. Щербы: «Прежде всего совершенно очевидно, что в произношении будущего будет отмечено все чересчур местное, московское или ленинградское, орловское или новгородское, не говоря уже о разных отличительных чертах других языков, вроде кавказского или среднеазиатского «гортанного» *x*, украинского *z*, татарского *ы* и т. д., и т. п. Второе, что является несомненным, — это стремление опереться на что-либо твердое и для всех очевидное. Ясно, что таким твердым и очевидным является письмо, а потому не менее ясно и то, что будущее русское образцовое произношение пойдет по пути сближения с письмом. Из этого, между прочим, вытекают некоторые обязательства и для письма: если мы не хотим, чтобы люди произносили *Доде* и *Гете* с мягкими *д* и *т*, и с *ё* в соответствии с немецким *ц*, то мы и должны писать *Додэ* и *Гетэ*, а не *Доде* и *Гете*».²³⁶

В связи с этим последним уместно вспомнить, что есть достаточно много слов, где твердость / мягкость согласных перед <е> (или *e*) вариативна и неустойчива; тем самым, соображения Л. В. Щербы представляются хотя и безусловно интересными, но не бесспорными.

Ударение

§ 223. Русское ударение имеет смысловозначительную (фонологическую) функцию, которая проявляется в том, что существует значительное количество графических омонимов, различающихся местом ударения, и это должно препятствовать варьированию места ударения в слове; например: *му́ка* — *мука́*, *за́мок* — *замо́к*, *хло́пок* — *хлопо́к*, *о́рган* — *орга́н*, *а́тлас* — *атла́с*, *па́рить* — *пари́ть*, *пи́щу* — *пищу́*, *бе́лка* — *белка́*, *па́ры* — *пары́*, *су́шу* — *сушу́*, *пи́ли* — *пили́*, *ме́ли* — *мели́*, *ту́шу* — *тушу́*, *пла́чу* — *плачу́*, *мо́ю* — *мою́*, *по́том* — *потом́* и т. п.

²³⁵ Аванесов Р. И. Заметки по теории русской орфографии // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. С. 223–224.

²³⁶ Щерба Л. В. О нормах образцового русского произношения // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 111–112.

Однако таких случаев сравнительно немного, а разноместность и подвижность ударения создают предпосылку для акцентной вариативности, регламентация которой относится к сфере действия орфоэпии и составляет важнейшую ее часть, поскольку различия в месте ударения легко фиксируются слухом и ставят говорящего перед проблемой выбора правильного варианта. По данным разных авторов, производивших подсчеты, количество словоформ, в которых варьируется место ударения, колеблется от 3500 до 5000.

Акцентная характеристика слова определяется размещением ударения относительно слогов при изменении его по падежам и числам (у существительных), по родам и числам (у прилагательных и у глаголов в прошедшем времени), по лицам и числам (у глаголов в настоящем времени и повелительном наклонении). Размещение ударений относительно слогов слова называется **схемой ударений**, или **акцентной кривой**. Слова, характеризующиеся одинаковой акцентной кривой, объединяются в **акцентные парадигмы**. Акцентная парадигма обычно разделяется на **субпарадигмы**: у существительных — субпарадигмы единственного и множественного числа, у глаголов — субпарадигмы настоящего времени (включая повелительное наклонение) и прошедшего времени (включая инфинитив), у прилагательных — атрибутивная субпарадигма (полные формы) и неатрибутивная (краткие формы).

Две схемы ударения считаются основными:

- *a* — ударение всегда на основе: у существительных типа *ту́ча, молодёжь, урб́к*; у полных прилагательных типа *красный́*; у кратких прилагательных типа *удобне́н*; у глаголов типа *ре́зать*.
- *b* — ударение всегда на окончании. Сюда входят и словоформы с нулевым окончанием, если во всех остальных словоформах данной субпарадигмы ударение размещается на окончании, типа *нож* (флексивное ударение в форме им. п. называют «условным»); эта схема свойственна полным прилагательным типа *голубо́й*, кратким прилагательным типа *смешо́н*, глаголам типа *говори́ть*.

Имеется еще несколько более сложных схем ударения, которые реализуются по-разному в разных субпарадигмах отдельных частей речи:

- *c* — у существительных с ударением на основе в субпарадигме ед. числа и на окончании в субпарадигме мн. числа типа *сад (са́да — сады́)*; у кратких прилагательных типа *молод (молода́ — молодо, молоды́)*; у глаголов в субпарадигме наст. времени с ударением на окончании 1 лица и повелительного наклонения и на основе во всех остальных формах типа *скажу́, скажи́ — ска́жешь, ска́жет, ска́жем, ска́жете, ска́жут* и в субпарадигме прош. времени с ударением на окончании в ед. числе жен. рода и на основе во всех остальных формах типа *сорвала́ — сорва́л, сорва́ло, сорва́ли, сорва́ть*.
- *d* — у существительных с ударением на окончании в субпарадигме ед. числа и с ударением на основе в субпарадигме мн. числа типа *сосна́ — со́сны*.

- *e* — у существительных с ударением на основе в субпарадигме ед. числа и в им. падеже мн. числа — на окончании в косвенных падежах остальных форм мн. числа типа *зуб*.
- *f* — у существительных с ударением на окончании во всех формах, кроме им. множественного типа *зубá*.

Схема ударения в парадигме с неподвижным ударением на основе во всех словоформах называется **тривиальной** — это только парадигма *a*, все остальные схемы ударения (парадигмы *b, c, d, e, f*) называются **нетривиальными**.

Неподвижное ударение во всех словоформах одной субпарадигмы называют **колонным** ударением.

А. А. Зализняк²³⁷ следующим образом формулирует основные тенденции эволюции акцентной системы русского языка:

- выравнивание ударения в объединяемой каким-либо общим признаком группе словоформ. Это влечет за собой «колоннизацию» ударения, т. е. установление единого места ударения в субпарадигме;
- поляризация ударения в двух противоположных по какому-нибудь признаку группах словоформ.

Эти тенденции по-разному действуют в категориях имен существительных, прилагательных и глаголов.

АКЦЕНТНЫЕ ВАРИАНТЫ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

§ 224. В склонении имен существительных действуют преимущественно тенденции к противопоставлению субпарадигм единственного и множественного числа, и это означает усиление роли ударения как грамматического средства или грамматизацию ударения. Такое изменение акцентных парадигм слов — главным образом, имен существительных мужского рода — часто бывает связано с меной окончания им. падежа мн. числа <-и> на <-á>. В большом количестве слов новый ударный вариант флексии уже стал фактом орфоэпической нормы; иногда — единственным, иногда — одним из вариантов, сопровождаемым различными словарными пометами.

Так, новое окончание <-á> стало единственным для слов *дом, доктор, профессор*, которые раньше имели <-и>. В словарях 1930–1950-х годов еще фигурирует форма *профэссоры* хотя и с «отрицательной» нормативной пометой «устар.»; а в словаре ОС–83 она уже не упоминается. Для слова *том* нормативной стала новая форма *томá*; старая *тóмы* дается с пометой «не рек. устар.»; для слова *торт*, наоборот, нормативной остается старая форма *тóрты* (не рек. *торты́*, неправ. *тортá*).

Круг слов с <-á> постоянно пополняется путем перехода профессиональной лексики в сферу общепринятой, обиходно-бытовой. Так, например, в ОС-83 дается: *шофёр*, мн. *-ы, -ов* // в профессион. речи мн.

²³⁷ Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. С. 371–387.

шоферá, -óв. а в словаре 1998 года²³⁸ форма *шоферá* дается с пометой «разговорное». Исконно русская лексика в профессиональном употреблении зачастую приобретает окончание <-á>, образуя акцентные дублиеты общеупотребительных слов: *возрастá*, *выборá*, *выговорá*, *выпасá*, *выходá*, *месяцá*, *приводá*, *приговорá*, *приискá*, *ростá*, *хлебá* и т. п.

Акцентные дублиеты часто оказываются связанными с семантическими различиями: так, например, для слова *учитель* ОС–83 дает в качестве нормативных оба окончания, указывая разницу в значении: с <-á> — «преподаватель»; с <-и> — «глава, автор учения». Подобно этому — слово *тон* со стабильным ударением (а. п. *а*) и окончанием *-ы* употребляется в значении музыкального и акустического термина, а с окончанием *á* — (а. п. *с*) — в обозначении цвета. Тем самым осуществляется переход от тривиального типа ударения к нетривиальному. Акцентологи связывают такой переход со степенью освоенности слова и называют его **прагматическим** фактором: редко употребляемое, «чужое» слово обычно имеет тривиальную схему ударения; освоение слова, повышение его употребительности, переход из профессиональной сферы в «общую», влечет за собой переход к нетривиальной схеме; в данном случае — а. п. *с*. Это означает усиление подвижности ударения и его грамматизацию — противопоставление по акцентуации субпарадигм единственного и множественного числа.

Переход к нетривиальной схеме ударения наблюдается также и при мене а. п. *а* на а. п. *б*, не связанной с грамматизацией ударения, но тоже характерной для освоения иноязычной лексики. Так, например:

в С–59²³⁹: шприц *ед.* шприца [*не шприца́*], шприцы, -ев [*не шприцы́*, -óв];
в ОС–83: шприц, -а, *мн.* -ы, -ев // у *медиков ед.* шприца́, *мн.* -ы́, -óв;
шрифт, -а, *мн.* шрифты́, -óв и шрифты, -ов // в *профессион. речи ед.* шрифта́.

Различие акцентной истории этих слов состоит в том, что формы с окончательным ударением у слова *шприц* не должны выходить за пределы профессиональной сферы употребления; у слова же *шрифт* имеется три варианта акцентной парадигмы; при этом полностью нормативными считаются а. п. *а* и а. п. *с* с окончанием им. *мн.* -ы́; в профессиональной же речи возможна а. п. *б*.

Активный приток иностранной лексики в сферу массовой культуры приводит к тому, что слова осваиваются, по-видимому, минуя промежуточную стадию склонения с тривиальной акцентной кривой: например, *ворд* — предл. *ед.* в *ворде́*; *хит* — род. *ед.* *хита́*, им. *мн.* *хиты́*; *бутик* — род. *ед.* *бутика́*, им. *мн.* *бутики́* и т. п.

²³⁸ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998.

²³⁹ Русское литературное произношение и ударение: Словарь-справочник / Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1959.

Словоформы с новым нетривиальным ударением могут ощущаться носителями русского языка как стилистически сниженные (пренебрежительные, иронические) по сравнению с словоформами с тривиальным ударением.

Новое окончание *-á* может выполнять и художественно-изобразительную функцию; например, в одной из песен В. Высоцкого:

*Мы говорим не штóрмы, а штормá,
Слова выходят коротки и смачны.
Ветрá, не ветры сводят нас с ума,
Из палуб выкорчевывая мачты.*

Окончание *-á* проникает также и в склонение существительных жен. рода с нулевым окончанием — тоже через профессиональную сферу, — но не выходит пока за ее пределы: *площадя́, прибыля́, емкостя́, скоростя́*. Нормативными словарями такие формы обычно не упоминаются.

Таким образом, новые акцентные варианты имен существительных появляются в результате действия общей тенденции акцентной эволюции словоизменения существительных: усиления подвижности ударения и действия прагматического фактора, перехода от тривиальных схем ударения к нетривиальным.

АКЦЕНТНЫЕ ВАРИАНТЫ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

§ 225. Другой активный процесс, связанный с профессиональной сферой функционирования лексики, наблюдается в категории прилагательных с суффиксом *-н-*, производных от глагольных и глагольно-именных основ: здесь возникают варианты с ударением на окончании и — вследствие этого — с иным орфографическим его оформлением, типа *очистный* — *очистно́й*, *навесный* — *навесно́й*, *подвижный* — *подвижно́й*, *призывный* — *призывно́й*, *накладный* — *накладно́й*, *запасный* — *запасно́й*, *переходный* — *переходно́й*, *обводный* — *обводно́й*, *приливный* — *приливно́й* и т. п.

Однако эти пары слов не являются просто акцентными дублетами, как, например, *ша́рфы* и *шарфь́*; общепринятый и профессиональный варианты прилагательного, как правило, семантически различны; тем самым, мы здесь имеем дело с продуктивным типом словообразования, который осуществляется с помощью акцентного средства.

Краткие прилагательные с а. п. с обнаруживают тенденцию стабилизации ударения на окончании, т. е. перехода к а. п. *b*. Возникающая при этом новая акцентная парадигма иногда признается равноправной со старой (например, *бел* — *белá*, *бело́*, *белы́*); для некоторых слов равноправными признаются варианты форм только мн. числа (например, *добр* — *добра́*, *добро́*, *добры́*); для слов *полон* и *хитёр* предпочтительны новые варианты *полно́*, *полны́* и *хитро́*, *хитры́*, а старые — *по́лно*, *по́льны* и *хи́тро*, *хи́тры* — даются с пометами «доп.» и «доп. устар.». Для слов *весел* и *горд* новые варианты с пометой «доп.» считаются возможными только для форм мн. числа *веселы́*, *горды́*; для слова *силён* в форме мн.

числа предпочтительна, наоборот, новая акцентовка *сильны́*, а старая *си́льны* дается с пометой «доп. устар.»

Таким образом, перенос ударения на окончание (установление колонного ударения путем выравнивания по форме женского рода) легче осуществляется за счет формы мн. числа и труднее — за счет формы сред. рода. В форме жен. рода ударение никогда не перемещается «налево», поэтому стабилизация ударения в принципе возможна только на базе формы жен. рода.

АКЦЕНТНЫЕ ВАРИАНТЫ В ГЛАГОЛЬНОМ СЛОВОИЗМЕНЕНИИ

§ 226. В области глагольного словоизменения акцентная вариативность чрезвычайно высока. В целом отмечается тенденция стабилизации ударения, выравнивания его по форме инфинитива. Возможно, это связано с тем, что большинство глаголов в русском языке имеет стабильное ударение либо на корневой части основы (*резать, думать, делать* — а. п. *a*), либо на окончании (*говорить, лежать, гореть* — а. п. *b*). Подвижное ударение в формах настоящего времени имеют глаголы типа *дышать, смотреть, ходить* (а. п. *c*) — их меньшинство.

1. Акцентные варианты в субпарадигме форм прошедшего времени.

- Ударение может быть на основе либо на окончании в глаголах типа *брать, быть, вить, гнать, гнить, дать, жить, звать, начать, пить, плыть, принять, рвать*. Орфоэпически нормативными могут быть только акцентные варианты форм сред. рода для некоторых из них (*да́ло и дало́, взя́ло и взяло́*). Ударение на основе в форме жен. рода (*бра́ла, взя́ла, жда́ла*) запрещено, но приводится в словарях, поскольку в узусе оно встречается (возможно, под влиянием южнорусской диалектной речи). Ударение на основе в форме мн. числа *да́ли, взя́ли, жда́ли* достаточно стабильно и практически не имеет вариантов;
- В приставочных глаголах прошедшего времени имеется тенденция перемещения ударения на корневую либо приставочную часть, но и в этом случае остается запрет на сдвиг ударения налево в форме жен. рода; так, возможны варианты *обли́л и облил, обли́ло и облило, обли́ли и облили*, но только *облила́*. Иногда новое место ударения представляется утвердившимся в орфоэпической норме, а старое дается с ограничительными пометами: *добы́л, добыла́, добы́ло, добы́ли* и доп. устар. *до́был, до́было, до́были*; для некоторых глаголов акцентные варианты форм прош. времени с ударением на корневой части даются только с запретительными пометами: это — формы глаголов на *-чать* и *-нять* (*нача́ть, заня́ть, наня́ть, поня́ть* и т. п.), а также производные от *клясть, -мереть, -переть*; например, в ОС–83 «грубо неправ.» *нача́л, -а, -о, -и*.

Для кратких страд. причастий прош. времени действуют примерно те же правила: *обли́то и обли́то, обли́ты и обли́ты*, но только *облита́*.

- Постепенно ограничивается круг глаголов, в которых возвратный постфикс *-ся* был ударным. Словари отмечают ударный постфикс только в глаголах с корневыми *-ня-*, *-ча-*, *-переться* и *родился*. При этом ОС–83 в качестве единственно правильных дает формы с ударным *-ся* только для глаголов *начался* и *заперся*, но и для них возможны варианты, хотя и с отрицательной пометой: «неправ.» *начался*, *начáлся*, *зáперся*. Равноправными считаются варианты *родился* и *родíлся*; при нормативном *принялся* даются варианты *принялся* с пометой «доп.» и *прíнялся* «неправ.» Для других глаголов, наоборот, нормативны новые варианты с ударением на основе (*взялся*, *удался*, *обвился*, *облился*), а старые с *-ся* даются с пометой «доп. устар.» (*взялся*, *удался*, *обвился*, *облился*).

2. Акцентные варианты в субпарадигме форм настоящего времени свойственны группе глаголов на *-ить*, в особенности, таких, которые семантически и деривационно связаны с существительными и прилагательными (типа *белить*, *включить*, *глушить*, *знать*, *гнуть*, *грузить*, *дружить*, *звонить*, *морить*, *мирить*, *облегчить*, *селить* и т. п.). У них наблюдается тенденция перемещения ударения на корневую часть. Нормативные оценки акцентных вариантов такого рода различны: старый и новый варианты могут признаваться равноправными (*горóдит* и *городíт*, *дóбит* и *доíт*); новый акцентный вариант может быть принят орфоэпической нормой как предпочтительный (например, *сóлит* «и доп.» *соlíт*; *дáрит*, *гру́зит*, *мáнит* и «доп. устар.» *дарíт*, *грузíт*, *манíт*); предпочтительным может быть старый вариант (например, *ми́рит*, *ва́лит* «и доп.» *ми́рит*, *ва́лит*). Отрицательной пометой «не рек.»

сопровождается форма *звóнит*; пометой «неправ.» — *обóстрит*, *облэгчít*, *углúbит*. Таким образом, картина акцентной вариантности во всех категориях слов, где имеет место подвижность ударения, представляется весьма сложной. Проявляющиеся в ней некоторые общие тенденции по-разному реализуются в разных словах и не регулируются никакими четкими правилами. В связи с этим единственным способом проверки орфоэпической правильности ударения в конкретных словах является обращение к наиболее современным словарям-справочникам. Однако нормативные оценки акцентных вариантов в разных словарях не всегда совпадают, а к тому же, орфоэпические словари характеризуются некоторой консервативностью, и их рекомендации могут «запаздывать» по сравнению с актуальным речевым узусом — об этом свидетельствуют результаты лингво-социологических исследований. Так, например, по данным Э. М. Шараповой²⁴⁰, из равноправных по словарным пометам форм *родился* и *родíлся* в узусе резко предпочитается последнее (93,5% против 3,2%); форму *начался* с пометой «неправ.» предпочитают 80,6% говорящих (против 16,1%, предпочитающих нормативную форму *начался*);

²⁴⁰ Sharapova Elisabeth Marklund. Implicit and explicit norm in contemporary russian verbal stress. Uppsala, 2000.

ударение с пометами «доп.» или «разг.» (*переня́ли, посели́шь, поме́стятся*) предпочитают нормативному *пе́реняли, посели́шь, поме́стятся* около 80% говорящих.

Территориальные разновидности орфоэпической нормы

§ 227. До недавнего времени признавалось существование двух вариантов орфоэпической нормы: московского и петербургского. Но историческая судьба Санкт-Петербурга не благоприятствовала укреплению той произносительной нормы, которая сформировалась там к началу XX века. Перенос столицы государства в Москву, большие потери населения в связи с Великой отечественной войной и блокадой Ленинграда, значительный приток населения из сельских местностей привели к тому, что в настоящее время образцы старого петербургского произношения, на основе которого сложилось представление о петербургской орфоэпической норме, можно услышать только в фонографических записях уже ушедших из жизни актеров петербургских театров, литераторов, ученых, общественных деятелей — потомственных петербуржцев.

Считается, что особенности петербургского произношения сложились под влиянием двух факторов: во-первых, севернорусского диалектного окружения; во-вторых, значительного влияния письма, проводником которого был бюрократический аппарат и чиновничество. Кроме того, столичная петербургская аристократия, до середины XIX столетия говорившая почти исключительно по-французски, постигала родной язык в основном по книгам и из общения с прислугой.

Петербургская орфоэпическая норма отличалась от московской следующими особенностями:

- гласный, в котором реализовались фонемы неверхнего подъема после мягких согласных, был ближе к [e] и больше отличался от предупредного [и], чем в московском произношении того же времени;
- ударные гласные [a] и [e], а также предупредное [a] имели более закрытый характер;
- менее мягкая аффриката [ч'];
- [ш'ч'] в соответствии с московским [ш̄']: *и[ш'ч']у, та[ш'ч']и*;
- твердые губные на конце слова: *се[м], голу[п]*;
- [р'] в словах типа *све[р']ху, се[р']п, не[р']вый*;
- [шн] в соответствии с московским [ш'н] в таких словах, как *изя[шн]ый, в су[шн]ости, хи[шн]ик*;
- произношение [ч'то] и [ч'н] в более широком круге слов, чем это было принято в московском произношении;
- мягкой фонеме <ж'> в петербургском произношении соответствовало твердое произношение [жж]: *во[жж]и, е[жж]у* и [жд'] в формах слова *дождь*;
- отсутствие упрощения некоторых групп согласных: произношение *вла[стн]ый, пра[здн]ик*;

- произношение мягких заднеязычных в соответствии с написанием конечных сочетаний в прилагательных на *-гий, -кий, -хий* и в глаголах на *-живать, -кивать, -хивать*;
- произношение в соответствии с написанием мягкого согласного в возвратном постфиксе *-ся, -сь*;
- произношение в соответствии с написанием безударных окончаний глагольных форм 3 лица мн. числа типа *ви[д'ът], слы[шът]*;
- произношение в соответствии с написанием окончаний им. падежа мн. числа существительных ср. рода типа *оки[ъ], пяти[ъ]*.

Как видим, некоторые пункты этого списка действительно отражают известные диалектологам особенности говоров окружающих Санкт-Петербург территорий (1, 2, 3, 5), другие — указывают на большую, чем это было свойственно московскому говору, близость к написанию (пункты 8, 10–14).

Динамика орфоэпической нормы привела к сближению и даже — можно уже сказать — унификации ее московского и петербургского вариантов. Признаки с 9-го по 14-й перестали быть показателями специфически петербургского произношения, однако включение их в единую «младшую» орфоэпическую норму русского языка произошло не в результате прямого влияния петербургского произношения на московское (к этому не было социально-культурных предпосылок); очевидно, такова была общая тенденция развития орфоэпической нормы. Сохранились только отдельные «приметы» петербургского произношения, которые совершенно недостаточны для того, чтобы можно было говорить об особом варианте орфоэпической нормы. Интересны в связи с этим такие размышления поэта И. Бродского:

Бродский: Человека, там выросшего или, по крайней мере, проведенного там свою молодость, — его с другими людьми, как мне кажется, трудно спутать. То есть для начала нас трудно спутать, скажем, с москвичами уже хотя бы по той причине, что мы говорим по-русски иначе, да? Мы произносим «что», а не «што». Хотя можем и «што» произнести...

Волков: И не поморщиться...

Бродский: Да, не поморщиться и даже испытать от этого некоторое удовольствие. Но при этом, произнося «што», в подкорке мы помним, что нужно-то сказать «что». Вот такой примерно расклад²⁴¹.

В настоящее время дискуссионной является сама возможность существования территориальных разновидностей орфоэпической нормы. Дело в том, что обширные диалектные территории русского языка обладают фонетическими различиями не только сегментного, но и суперсегментного характера, а также своеобразной артикуляционной базой. Поскольку это — наименее контролируемая сфера речевой деятельности, то и особенности произношения, обусловленные артикуляционной базой либо просодической структурой слова, а также своеобразии интонацион-

²⁴¹ *Соломон Волков.* Диалоги с Иосифом Бродским. М., 2002. С. 386.

ного оформления фразы, устойчиво сохраняются в речи даже тех, кому удалось усвоить, казалось бы, все особенности московской орфоэпической нормы.

Различие артикуляционной базы может состоять в более передней или более задней позе артикулирующих органов при речепроизводстве; раствор ротовой полости (опускание нижней челюсти) может быть большим или меньшим — это обуславливает своеобразие звучания гласных, которые идентифицируются, тем не менее, как один звукотип. Так, например, для московского говора характерно произношение очень открытого предударного [a], поэтому одинаково передаваемое в транскрипции слово [стакáн] по-разному звучит в Москве и, скажем, в Екатеринбурге или Севастополе. Разница в звучании «одних и тех же» согласных может зависеть от позы языка: например, переднеязычные согласные могут быть зубными либо альвеолярными. Различна и схема редукции гласных в составе слова: резкое выделение просодического ядра слова с сильной редукцией безударных гласных, кроме 1-го предударного, характерно для речи выходцев с центральных, в том числе, владимирско-поволжских территорий, и части Рязанских говоров; более равномерная схема редукции, когда гласный 2-го предударного слога мало отличается от гласного 1-го предударного — для жителей северных областей.

Произносительные различия такого рода называют орфофоническими. **Орфофония** определяет те реализации звуковых единиц (звукотипов), которые характерны для орфоэпически нормативной речи; в нашем случае — для московского ее варианта. Орфофоническими и интонационными особенностями может характеризоваться орфоэпически правильная речь жителей Вологды и Архангельска, Курска, Екатеринбурга и других крупных областных центров, имеющих свои университеты, научные центры и средства массовой информации. Так, например, для жителей самых разных регионов — таких, как Дальний Восток, Урал и Крым — характерна реализация предударного гласного типа [a] в более узком варианте; что-то вроде [гъвьр'át].

Осознание орфофонических особенностей речи чрезвычайно важно при обучении иностранному языку, артикуляционная база которого может очень существенно отличаться от артикуляционной базы родного языка и обуславливать устойчивость акцента.

По-видимому, именно ощущением другой артикуляционной базы продиктованы следующие строчки О. Э. Мандельштама из «Разговора о Данте»: «Когда я начал учиться итальянскому языку и чуть-чуть познакомился с его фонетикой и просодией, я вдруг понял, что центр тяжести речевой работы переместился: ближе к губам, к наружным устам. Кончик языка внезапно оказался в почете. Звук ринулся к затвору зубов».²⁴²

²⁴² О. Мандельштам. Слово и культура. М., 1987. С. 110.

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1984.

Вербицкая Л. А. Русская орфоэпия. Л., 1976.

Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. Словарь трудностей русского произношения. М., 1997.

Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы. М., 1983 и последующие издания.

Русский язык конца XX столетия (1955–1985). Глава VII. Активные процессы в области ударения. М., 1996.

Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. М., 1968.

